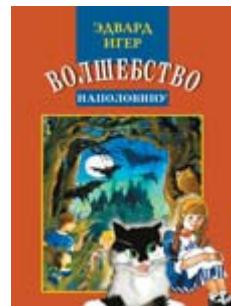

**Эдвард Игер
ВОЛШЕБСТВО НАПОЛОВИНУ
Перевел с английского Игорь Куберский**

Иллюстрации Марианны Шретер

Дизайн обложки: Б. Смирнов,
И. Куберский

Современный американский писатель Эдвард Игер (1911—1964) поначалу был известен как драматург и поэт-лирик. Первую детскую книгу он написал в 1951 году для своего сына Фритца, когда отчаялся найти для него в библиотеке что-нибудь новенькое и интересное.

Тем не менее, он относит себя к ученикам английской детской писательницы Е. Несбит (1858—1924), книги которой лишь недавно были переведены у нас на русский язык.

Дети из одного маленького американского городка находят монетку, которая оказывается волшебным талисманом, исполняющим желания. О том, что случилось с ними дальше, вы узнаете из этой книги, ставшей классикой современной американской детской литературы.

Для среднего школьного возраста.

I

Как это началось

Началось это в один из летних дней лет тридцать назад. С детьми. Их было четверо.

Джейн была самой старшей, а Марк был среди них единственным мальчиком, и оба они во всем задавали тон.

Средняя, Катрин, была пай-девочкой, и мама не могла на нее нарадоваться. Катрин знала, что на нее не нарадуются и что она паинька, поскольку однажды слышала, как мама это говорила. А теперь и все остальные знали, что она именно такая, потому что с того самого дня Катрин только и делала, что хвасталась, как на нее не нарадуются и какая она паинька, пока, наконец, Джейн не заявила, что если еще хоть слово об этом услышит, то завизжит, будто ее режут. Теперь вы можете себе представить, какими были Джейн и Катрин.

Марта, самая младшая, была очень трудным ребенком.

Летом дети, в отличие от своих друзей, никогда не ездили за город или на озеро, потому что отец их умер, а мама пропадала на работе в газете, которую в этом квартале почти никто не получал. Чтобы присматривать за детьми, каждый день к ним приходила женщина по имени мисс Бик, но, похоже, что она не очень-то присматривала за ними, как, впрочем, и они за ней. И она ни за что бы не взяла их ни за город, ни на озеро: много чего хотите, говорила она, и еще она говорила, что шум волн плохо действует ей на сердце.

— Но ведь нормальное озеро — не океан, его почти и не слышно, — сказала ей Джейн.

— Оно притягивает молнии, — сказала мисс Бик, что, на взгляд Джейн, было признаком трусости, а кроме того, далеко не бесспорно. Если уж вступать в спор, а Джейн это любила, то лучше, чтобы вам выложили зараз все возражения, — тогда их можно опрокинуть одним ударом. Но мисс Бик была не так-то проста.

И все-таки даже без загорода и озера лето было славным, особенно вначале, когда можно было загадывать далеко вперед. Это же целых несколько месяцев свободы и прекрасных долгих дней, и можно играть до упаду и брать из библиотеки книги.

Летом, вместо трех, в библиотеке разрешалось брать за один раз целых десять книг, а вместо двух недель можно было держать их целый месяц. Вообще-то разрешали брать лишь четыре книги

художественной прозы, которая, естественно, считалась превыше всего остального, но Джейн, например, любила пьесы, а это вовсе не художественная проза, Катрин любила поэзию, а это тоже не художественная проза, маленькая же Марта обходилась еще книжками-картинками, а они не считались художественной прозой, хотя были едва ли хуже.

Один только Марк так пока и не решил, какой вид нехудожественной прозы он любит. Каждый месяц он приносил домой десять книг и в первые четыре дня прочитывал четыре книги хорошей художественной прозы, затем прочитывал по странице из остальных шести книг, а затем бросал чтение. На следующий месяц он снова их брал и снова пытался прочесть. Книги нехудожественной прозы, которые он пытался прочесть, назывались в основном таким вот образом: "Мое детство в Греции", или "Счастливые дни в прериях"... По названиям эти книги были похожи на прозу, но и только. Они страшно сердили Марка.

— Они написаны так, чтобы исподтишка подсунуть какие-то знания. Это нечестно, — говорил он. — Одно притворство.

Больше всего на свете эти четверо детей ненавидели нечестность и притворство. Библиотека была в двух милях от дома и тащить туда кучу тяжеленных, уже прочитанных книг было утомительно, однако дорога назад была чудесной — шли медленно, порой останавливаясь возле какого-нибудь непохожего на другие парадного крыльца и заглядывая в непохожие на другие книги. Однажды Катрин, любительница поэзии, попробовала по пути домой прочесть вслух "Эванджелину"^{*} и Марта села прямо на тротуар в семи кварталах от дома и заявила, что не встанет, пока Катрин не закроет рот.

Она такая, Марта.

После этого случая Джейн и Марк договорились, чтобы никто из них ничего не читал вслух и не мешал остальным. Но этим летом правило было нарушено. Этим летом ребятам попалось несколько книг писательницы по имени Э. Несбит^{**} — без всякого сомнения, самых замечательных книг на свете. Ребята залпом прочли все, что были в библиотеке, кроме одной-единственной, под названием "Заколдованный замок", — она была выдана. И вот вчера "Заколдованный замок" вернулся, они взяли эту книгу, и Джейн, поскольку она читала быстрее и громче других, стала читать ее вслух, пока они шли до дома. И когда они пришли домой, она продолжала читать, и когда вернулась их мама, они едва поздоровались с ней, и когда им подали ужин, они не заметили, что едят. Время спать пришло как раз на тот момент, когда волшебное кольцо, о котором рассказывалось в книге, из кольца, делающего невидимкой, превратилось в кольцо, исполняющее желания. Остановиться на таком месте — это было просто ужасно, но мама вдруг решила проявить принципиальность и им пришлось подчиниться.

В это утро, они, естественно, проснулись раньше обычного, и Джейн сразу же принялась за чтение и не останавливалась, пока не закончила последнюю страницу.

И когда она закончила книгу, воцарилось дружное молчание, но чуть погодя оно перестало быть дружным.

Нарушила его Марта, сказав то, о чем они все сейчас думали:

— Почему это с нами не бывает ничего такого?

— Потому что никаких чудес не существует. Они не настоящие, — сказал Марк как человек достаточно взрослый, чтобы быть в этом уверенным.

— Откуда ты знаешь? — сказала Катрин, которая была почти такой же взрослой, как Марк, но далеко не столь уверенной в чем бы то ни было.

^{*} Поэма американского поэта Генри Уордсворт Лонгфелло (1807-1882). Здесь и далее — примечания переводчика.

^{**} Эдит Несбит (1858-1924) — английская детская писательница.

— Они только в сказках.

— Но ведь это была не сказка. Там не было ни драконов, ни ведьм, ни бедных дровосеков, а такие же обычные дети, как мы.

Теперь они заговорили все сразу.

— Они не как мы. Мы ни разу не ходили в лес, по незнакомым дорогам, и нам не попадались замки.

— Мы ни разу не ездили на море и не встречали русалок и морских фей.

— И не ездили к нашему дяде, где есть волшебный сад.

— Вот если бы дети Несбит жили в таком же городе, как Лондон*, и чтобы это было интересно, и чтобы им попадались всякие там чудеса и волшебные ковры! Просто тут ничего такого быть не может.

— Тут есть дом миссис Гудзон, — сказала Джейн. — Он немножко похож на замок.

— Тут есть сад мисс Кинг.

— Мы могли бы сделать вид, что...

Слова эти произнесла Марта, и все остальные повернулись к ней.

— Чучело!

— Балда!

Потому что, конечно, делать вид можно только тогда, когда ты не говоришь об этом вслух. Марта прекрасно знала это правило, но по молодости иногда забывала о нем. Так что Марк запустил в нее подушкой и то же самое сделали Джейн и Катрин, и все они устроили такой шум и гам, что проснулась их мама и явилась мисс Бик и начала командовать, и все, выражаясь поэтическим языком Катрин, превратилось в "молний сверк и грома грохот".

Двумя часами позже, когда завтрак был съеден, и мама ушла на работу, а посуда вымыта, вся четверка наконец вырвалась на свободу — на солнечный свет и свежий воздух. Погода была отличная, теплая — голубое небо и куча всяких возможностей впереди. Да и сам день начался хорошо — с того, что в выбоине на тротуаре сверкнуло что-то металлическое.

— Деньжата, — сказала Джейн и отправила десятицентовую монетку в свой карман, где позванивала остальная еще нерастроченная наличность. У нее будет время подумать, на что ее истратить после утренних приключений.

Утренние приключения начались многообещающе. Дом миссис Гудзон выглядел точь-в-точь как "Заколдованный замок" — его окружала каменная стена, а посреди лужайки стояла железная собака. Но когда Марк забрался на клумбу с пионами и Джейн встала ему на плечи и подняла Марту к кухонному окну, то все, что Марта увидела, — так это как миссис Гудзон что-то размешивала в миске.

— Наверно, это глаз тритона или лапка лягушки, — предположила Катрин, но Марта сказала, что это больше похоже на пудинг из одного яйца.

А затем, когда один из черных муравьев, живущих на всех клумбах с пионами, укусил Марка, и тот уронил Джейн и Марту, которые попадали с криками, то ничего особенного не произошло, если не считать выскочившей миссис Гудзон, которая, как обычно, с метлой погналась за ними, крича, что она все расскажет их матери. Но это их не очень-то беспокоило, поскольку их мать

* Здесь имеется в виду небольшой городок в штате Огайо.

говорила про миссис Гудзон, что люди, которые не умеют общаться с детьми, сами в этом виноваты, — в общем, ничего интересного.

Так что дети двинулись по улице дальше и заглянули в сад к мисс Кинг. Пчелы приятно журчали вокруг цветущих коломбинах, а кроме того там были крупные колокольчики и пурпурные наперстянки, выглядевшие вполне по-старинному, так что на какой-то миг ребятам показалось, что вот-вот "что-то" произойдет.

Но тут вышла мисс Мами Кинг и начала им говорить, что маленькая чудесная волшебница живет в самом большом пурпурном бутоне наперстянки, а от подобных разговоров детей воротит. И они послушали ее только из вежливости, а затем уныло побрали назад и уселись на крыльце собственного дома.

Так они и сидели и не могли придумать ничего интересного, и ничего не происходило, и именно в этот момент Джейн стало все настолько противно, что она громко сказала:

— Хоть бы что-нибудь загорелось, что ли!

И остальные были потрясены таким кощунством, но еще больше они были потрясены, когда услышали то, что далее последовало.

А услышали они ни что иное как пожарную сирену!

Мимо них пронеслись машины — пять штук: машина, качающая воду — мотор ее страшно дымил, как вообще в те времена дымили моторы, — машина начальника пожарной службы, машина с баграми, машина с лестницей и машина химической службы!

Марк, Катрин и Марта посмотрели на Джейн, а Джейн посмотрела на них — и глаза у нее были круглые от удивления. А затем дети бросились следом.

Пожар был далеко — в восьми кварталах отсюда — и у них ушло много времени, чтобы добраться туда, потому что Марте нельзя было самой переходить улицу и она не так быстро бегала, как остальные; так что им приходилось поджидать ее на всех перекрестках.

И когда они наконец добежали до дома, возле которого остановились пожарные машины, то оказалось, что горит вовсе не дом. Горел домик для детских игр на заднем дворе, самый удивительный домик для игр из всех, которые дети когда-либо видели, — двухэтажный, с окошками, как в мансарде.

Все вы прекрасно знаете, что такое смотреть на пожар, — из окон вырываются яркие языки пламени, и самое замечательное — это когда обрушивается крыша, или того лучше — когда есть какая-нибудь башенка и она падает, проламывая крышу. У этого детского домика была башенка, и самым прекрасным был момент, когда она обрушилась, с треском проломив крышу и подняв целый сноп искр.

И поскольку это был детский домик, то есть такой же маленький, как сами дети, то все выглядело так, будто пожар был устроен специально для них. К тому же оказалось, что девочка, которой принадлежал этот домик, была без сомнения избалованной и капризной, ее звали Женевьеву и у нее были длинные золотые локоны, которые, наверно, никогда не знали ножниц; так что все получилось, как надо. Более того — дети подслушали, как ее отец сказал, что купит новый домик для игр за деньги, полученные по страховке.

Так что, в общем и целом, у всех четырех не было причин для каких-либо иных чувств, кроме как чувства глубокого удовлетворения, — его-то они и испытывали, когда стояли, тяжело дыша, и глядели, как пожарники героически сражаются с огнем, оставаясь при этом абсолютно невозмутимыми, что характерно для всех пожарников мира.

И только когда последний язык пламени погас и вместо домика для игр взору предстал один черный, обгорелый остов, мокрый и еще дымящийся, — только тогда Джейн почувствовала свою вину и ее радость тоже покернела.

— Ох, что ты наделала! — прошептала ей Марта.

— Я не хочу об этом говорить, — сказала Джейн. Но она направилась к женщине, которая, кажется, была нянькой золотоволосой Женевьевы, и спросила о том, как это все началось.

— Все вдруг как полыхнет, ну прямо как Четвертое Июля^{*}! — сказала нянька. — И я так думаю, — добавила она, с большим подозрением глядя на Джейн, — что это поджог! А ты, девочка, что здесь делаешь?

Вместо ответа Джейн развернулась и пошла со двора, стараясь держаться как можно прямее и не побежать. Вся троица последовала за ней.

— Джейн что, волшебница? — прошептала Марта на ухо Катрин.

— Не знаю, но думаю, что да, — прошептала Катрин в ответ.

Джейн сердито посмотрела на них. В молчании они миновали два квартала.

— И мы тоже волшебники?

— Не знаю. Я боюсь даже думать об этом.

Джейн сердито посмотрела на них, и они снова замолчали. Но на сей раз терпения у Марты хватило лишь на полквартала.

— А нас не сожгут как ведьм?

Джейн взвилась от ярости.

— Я желаю... — начала она.

— Не смей! — чуть ли не взвизгнула Катрин, и Джейн побледнела, плотно сжав губы, и пошла быстрее. Чтобы остальные не отстали, Марк заставил их прибавить ходу.

— Так не пойдет. Мы должны все это обсудить, — сказал он Джейн.

— Да, обсудить, — сказала Марта, уже не с таким испуганным видом. Она питала большое уважение к Марку, потому что он был мальчиком и знал абсолютно все.

— Вопрос в том, — продолжал Марк, — был ли это просто несчастный случай, или это мы так хотели стать волшебниками, что у нас что-то вдруг получилось. Значит, надо, чтобы каждый из нас попробовал загадать желание. Тогда все станет ясно.

Но Марта заупрямилась. С Мартой никогда не договоришься. Иногда она ведет себя по-взрослому, как и все остальные, а иногда она ну просто маленький ребенок. Теперь она была маленьким ребенком. Губы ее задрожали, и она сказала, что не хочет загадывать желание и ни за что его не загадает, и вообще было бы лучше, если бы с ними вовсе ничего не произошло.

Посоветовавшись, Марк и Катрин пришли к выводу, что эти слова можно было бы счесть за желание Марты, но что, похоже, оно не сбылось, потому что иначе бы они ничего не помнили про это утро, а они помнят, и даже очень хорошо. Но в порядке проверки Марк повернулся к Джейн.

— А что мы сегодня делали? — спросил он.

* В этот день в США отмечается День независимости.

— Смотрели на пожар, — горько сказала Джейн, и тотчас, словно в подтверждение ее слов, мимо пронеслись пять пожарных машин, направлявшихся к себе в пожарное отделение.

Так что затем Марк без особого подъема пожелал, чтобы его туфли превратились бы в семимильные сапоги-скороходы, но когда он попытался шагнуть на семь миль, оказалось, что так они не шагают.

Катрин пожелала, чтобы явился Шекспир и поговорил бы с ней. Она забыла сказать, когда именно это должно произойти, но, прождав минуту, в течение которой Шекспир так и не появился, они решили, что он, наверно, вообще не придет.

В общем, похоже, что если кто среди них и был волшебником, так только Джейн.

Но сколько они ни пытались, они не смогли заставить Джейн загадать еще какое-нибудь желание, пусть даже маленькое и безобидное. В ответ на все их уговоры она просто упорно тряслася головой, а когда уговоры низвелись до прямых оскорблений, она даже слова не проронила, что было абсолютно не похоже на Джейн.

Когда они вернулись домой, она сказала, что у нее болит голова, ушла в свою комнату и закрылась. Она даже не вышла на ланч и пробыла у себя весь день, где она поговорила только с

кошкой по имени Кэрри и в раздумии опустошила целую коробку бисквитов. Мисс Бик уж и не знала, что с ней делать.

Вернувшись с работы, мама сразу поняла, что дома что-то не так. Но, будучи человеком чутким, она не стала ни о чем расспрашивать.

За ужином она объявила, что вечером ее дома не будет. Джейн даже не подняла на нее глаз, пребывая в состоянии молчаливого размышления, но остальных это заинтересовало. Детям всегда хотелось думать, что у их мамы бывают всякие удивительные приключения, но такое случалось редко. В этот вечер она отправлялась навестить тетю Грейс и дядю Эдвина.

— А зачем? — поинтересовался Марк.

— Они были очень добры ко мне после смерти вашего отца. И они очень добры к вам.

— Дарят полезные подарки! — презрительно обронил Марк.

— А тетя Грейс скажет тебе: "Попробуй, пожалуйста, этот маленький шоколадный тортик, такого ты еще не ела, я сама его готовила"? — поинтересовалась Катрин.

— Нехорошо смеяться над вашей тетей Грейс. Не знаю, что сказал бы на это ваш папа.

— Папа тоже над ней смеялся.

— Это разные вещи.

— Почему?

Такого рода разговор был детям всегда очень интересен и мог бы продолжаться вечно, поскольку касался их самих, но взрослые к подобным разговорам почему-то относились иначе. Мама положила ему конец, отправившись к тетушке Грейс.

Когда она ушла, снова стало происходить что-то странное. Джейн то появлялась в комнате, где они сидели, то исчезала, а они, взяв карты, играли в малоинтересного подкидного, пока не почувствовали, что начинают сходить с ума.

Марк наконец взорвался:

— Почему ты нам ничего не скажешь?

Джейн покачала головой:

— Не могу. Вы не поймете.

Естественно, что это еще только больше всех разъярило.

— Она думает, что раз она волшебница, то значит, всех умнее! — сказала Марта.

— Я думаю, что она вовсе не волшебница! — Это сказала Катрин. — Только она боится, что так оно и есть, и потому не загадывает желания.

— Нет, волшебница! — не очень убежденно воскликнула Джейн. — Только я не знаю — почему или насколько. Это все равно, что отсидеть ногу, — от нее ни пользы, ни радости. Я боюсь даже думать о желаниях. Я вообще думать боюсь!

Когда у тебя есть волшебный дар, и ты об этом знаешь, то это может быть просто чудесное чувство, будто внутри раздается приятная музыка. Но чтобы насладиться этой музыкой, нужно знать, сколько у тебя волшебного дара и как им пользоваться. А Джейн не имела ни малейшего представления о том, сколько у нее такого дара, как его применять, и оттого была несчастной, и

остальные не могли понять — почему, и так ей и говорили, а Джейн огрызалась, и, когда пришло время отправляться спать, никто уже друг с другом не разговаривал.

Более же всего Джейн досаждало чувство, что она что-то забыла, и что если бы она вспомнила, то поняла бы причину случившегося. Как будто эта причина пряталась где-то в ее сознании — вот только бы найти ее. И она погружалась в собственное сознание и искала, искала...

И вот она осознала, что сидит, выпрямившись, на кровати, и что часы бьют одиннадцать, и что она вспомнила. Такое иногда бывает.

Она встала и направилась к туалетному столику, на который машинально высыпала свои деньги, когда вернулась домой с пожара. Сначала она ощупала поверхность столика. Затем зажгла лампу.

Никелевая монетка, найденная в выбоине тротуара, исчезла.

И теперь уж Джейн действительно задумалась всерьез.

II

Что произошло с мамой

У тетюшки Грейс и дядюшки Эдвина сама атмосфера была душной и скучной, и мебель их была душной и скучной, и тетушка Грейс и дядюшка Эдвин были скучными.

"Бедняги, ведь они такие добрые", — молча думала мать четверых детей.

Но ей пришлось изо всех сил напоминать себе об этом, когда тетя Грейс вытащила альбом с семейными фотографиями.

— А теперь, Элисон, думаю, тебе будет интересно взглянуть на фотографии, которые мы сделали во время путешествия в Еллоустонский парк. — И тетя Грейс устроилась среди диванных подушек, как будто намеревалась просидеть там целую вечность.

— Но мне кажется, что ты их уже показывала прошлый раз, тетя Грейс.

— Нет, что ты, милочка, то был Гласьеरский парк. Эдвин, пододвинь-ка абажур, чтобы Элисон хорошо было видно. Это вот хорошо известный Гейзер Постоянства. Представляешь, он действительно постоянный — фонтанирует через каждый час. Женщина, которая там стоит... — мы ее не знаем. Это просто какая-то женщина из Огайо — она все норовила попасть в кадр. Эдвину пришлось с ней объясняться. Перетверни страницу.

На следующей странице альбома хорошо известный Гейзер Постоянства был сфотографирован с другой точки. Женщина из Огайо успела дойти только до края кадра, во всем же остальном этот снимок ничем не отличался от первого.

Мать четверых детей похлопала ладонью себя по рту, чтобы скрыть зевок.

— Мне действительно уже пора, тетушка Грейс.

— Глупости, милочка. Ты должна оставаться на чашечку кофе с тортом. Попробуй-ка этот маленький шоколадный тортик, такого ты еще не ела, я сама его готовила.

Мама с трудом подавила улыбку. Катрин говорила, что именно так тетушка Грейс и выразится — в своем обычном духе.

Часы пробили одиннадцать.

"Боже мой, — подумала мама, — еще так долго возвращаться на автобусе! Вот бы сразу оказаться дома!"

Тут же в комнате словно погас свет и маме почудилось, что луна и звезды светят прямо сквозь крышу.

Она поисками глазами скучное доброе лицо тетушки Грейс, но тетушки Грейс нигде не было. Вместо этого на маму уставился куст довольно высокорослого молочая, а душное скучное кресло вдруг показалось холодным и колючим. Она посмотрела себе под ноги и оглянулась по сторонам.

Она сидела возле дороги на холмике, поросшем сорной травой. Вокруг не было ни домов, ни хоть какого-нибудь света, — ничего, кроме луны и звезд.

Что же такое стряслось? Не сошла ли она внезапно с ума? Или, может, она попрощалась с тетушкой Грейс и дядюшкой Эдвином и отправилась домой пешком, вместо того чтобы поехать на автобусе, а потом потеряла сознание?

Но почему она не помнит, что попрощалась? Раньше с ней такого никогда не бывало.

Ей показалось, что она узнает этот участок дороги. Тетюшка Грейс и дядюшка Эдвин жили на окраине — между ними и городом на полмили тянулся незастроенный участок. Полмили и всего одна автобусная остановка, вспомнила мама четырех детей. Должно быть, она оказалась где-то посередине, но, интересно, где сама остановка автобуса — впереди, или позади?

Небо вдалеке было подсвечено городскими огнями, и она пошла в ту сторону.

Луна только народилась, тоненький серп едва светился, и лес по обе стороны дороги был темным и страшноватым. Что-то шевелилось среди ветвей деревьев, и маме все это совсем не нравилось.

С чего это она, преуспевающая журналистка газеты и мать четверых детей, бродит тут ночью по дорогам?

А вдруг на нее нападут бандиты и убьют, и тело ее кто-нибудь обнаружит наутро, — что дети подумают? Что вообще все подумают? Должно быть, это какой-то дурной сон. Скоро она проснется. А пока надо идти. И она пошла.

За ее спиной раздался шум мотора и засветились фары. Она обернулась и подняла руку, полагая, что это автобус.

Но это был не автобус, а автомобиль. Однако автомобиль все равно остановился возле нее, и из кабины выглянул небольшого росточка господин.

— Может, вас подвезти?

— Мм, нет, право же, нет, — сказала мама четверых детей, что было абсолютной неправдой; она бы очень хотела, чтобы ее подвезли. Но она сама всегда говорила детям, что ни в коем случае нельзя садиться в кабину к незнакомым людям.

— Сломалась ваша машина?

— Мм, нет, не совсем ...

— Решили прогуляться?

— Мм, нет.

Тогда небольшого росточка господин открыл дверцу.

— Садитесь, — сказал он.

К собственному своему удивлению, мама четверых детей села в автомобиль. Некоторое время они ехали молча. Мама четверых детей пыталась краешком глаза изучить внешность господина, и ей было неприятно обнаружить, что у него есть борода. Борода для нее являлась признаком чего-то нехорошего. В самом деле, раз он отпустил бороду, значит, хочет что-то скрыть?

Но у господина была даже не борода, а бородка, маленькая и жидккая, остальная же часть его лица, насколько позволял видеть сумрак в кабине, казалась приятной. Мама почувствовала, что ей хочется рассказать о своем странном приключении. Но это, увы, было невозможно — это бы прозвучало слишком глупо.

Господин первым нарушил молчание.

— Когда темнеет, на этой дороге ни души. По-моему, здесь довольно опасно гулять.

— По-моему, тоже, — согласилась мама четверых детей. — Ума не приложу, как это случилось. Сижу я себе у тетушки Грейс, беседую и вдруг раз — и я оказываюсь у дороги!

И она стала рассказывать обо всем маленькому господину, несмотря на свое решение помалкивать.

— Этому есть только одно объяснение, — подытожила она. — Должно быть, я потеряла сознание, пусть лишь на какую-то минуту.

— О, только одного объяснения не бывает, — сказал господин небольшого росточка. — Все зависит от того, какое именно объяснение вы допускаете. Я лично допускаю, что еще до завтрака со мной может произойти полдюжины самых невероятных вещей. И вовсе не потому, что мне предоставляется такая возможность. Дело в том, что в нашей жизни происходит слишком мало невероятного, чтобы мы его допустили. Вам так не кажется? Так где, говорите, вы живете?

— Я вам ничего не говорила, — сказала мама четверых детей.

Поздний этот вечер и в самом деле становился все более и более странным. Для нее было непривычно встречаться с людьми, которые говорят точь-в-точь как Белая Королева^{*}, равно как давать свой адрес абсолютно незнакомому человеку, — и тем не менее, если она хочет добраться до дома, ей, кажется, больше ничего не остается.

Она назвала свой адрес и мгновение спустя они подъехали к ее дому.

Она поблагодарила маленького господина за его труды. Он поклонился и, похоже, заколебался, будто хотел еще что-то добавить, но затем решил сначала получше это обмозговать. И укатил.

Только когда он исчез, мама четверых детей спохватилась, что даже не спросила его имени, как, впрочем, и он ее. Хотя, возможно, больше они никогда не встретятся.

Она направилась ко входу и вдруг в ужасе остановилась.

Гостиная просто сверкала огнями!

Представив себе самое страшное, что только могло произойти, она бросилась к двери, повернула ключ в замке и вбежала внутрь.

* Персонаж знаменитой сказки Льюиса Кэрролла "Алиса в Зазеркалье". Белой Королеве свойственно парадоксальное изложение мыслей.

В углу дивана, свернувшись калачиком, сидела Джейн — она накинула на себя одеяло и казалась маленькой, бледной и несчастной девочкой.

Тут же мама оказалась рядом и обняла ее. И собственные ее мысли по поводу странного вечера и господина небольшого росточка улетучились.

— Что случилось? — воскликнула она. — Живот заболел или что-то приснилось? Надо было позвонить.

— Ни то, ни другое, — сказала Джейн. — Мама, ты случайно не взяла никель*, который лежал у меня на туалетном столике?

— Что-что? — воскликнула мама. — И ради этого ты ждешь меня допоздна?

И тут же она начала ругаться, как это делают все родители, когда они беспокоятся о своих детях, а потом узнают, что беспокоились напрасно.

* Так в США называют монету в десять центов.

— Джейн, мне совершенно не нравится твоя жадность! — сказала она. — Да, я взяла никель, чтобы заплатить за автобус. У меня был только один никель и пять долларов бумажкой, а там всегда так ворчат из-за этой сдачи.

— И ты его истратила! — оборвала ее Джейн, в голосе ее прозвучал ужас.

— Я истратила один никель, когда ехала из дома. Какое это имеет значение? Завтра я тебе отдам.

— И второй никель ты истратила, когда ехала домой?

Мама на мгновение смутилась.

— Мм... нет, между прочим, не истратила. Меня подвезли.

— А ты знаешь, какую монету ты истратила? Ту, что у тебя была, или ту, что ты взяла?

— О, господи! Откуда я знаю!

— Ты можешь мне отдать ту, которую ты не истратила? Прямо сейчас, пожалуйста.

— Джейн, что все это значит? Можно подумать, что ты какая-нибудь там бедная голодная падчерица! — Затем мамин голос потеплел: — Ну ладно, если это тебя осчастливит.

Она порылась в своем кошельке:

— Вот, держи. А теперь спать.

Джейн бросила быстрый взгляд на монетку, которую дала ей мама, и зажала ее в кулаке. Ее догадка подтвердились. Это был не никель.

В дверях она задержалась.

— Мама.

— Что еще?

— С тобой... с тобой ничего... ничего не было странного этим вечером?

— Что ты хочешь сказать? Конечно, ничего. А что?

— Да так...

Джейн поискала подходящее объяснение. Она не могла сказать маме правду. Мама никогда не поверит. Это ее только расстроит.

— Просто я... просто я видела сон про тебя и забеспокоилась. Мне приснилось, что ты загадала какое-то желание.

— В самом деле? Странно. — В маминых глазах вдруг возник интерес. Поэтому она стала говорить дальше, чуть ли не самой себе, словно вспоминая: — Между прочим, я действительно кое-что пожелала. Я пожелала оказаться дома. И именно в этот момент...

— Что в этот момент? — возбужденно спросила Джейн.

Ее мама приняла непроницаемый вид:

— Ничего. Я отправилась домой. Меня подвезли. Один... один друг дяди Эдвина.

На Джейн она не глядела. Это просто ужасно — так лгать собственному ребенку. Но она не могла сказать Джейн правду — дочка никогда не поверит. Это ее только расстроит.

— Понятно. — Но Джейн не уходила. Она стояла, повторяя ступней узор ковра на полу. И, не глядя на маму, продолжала:

— Когда ты в моем сне пожелала оказаться дома, я не помню, что было дальше. Не думаю, чтобы ты оказалась именно дома...

— Хм! Конечно, нет.

— Но ведь где-то ты оказалась?

— На какой-то полянке, поросшей сорняком, где-то на полпути до улицы Банкрофт.

Только теперь Джейн подняла глаза и посмотрела прямо маме в лицо:

— Мы ведь говорим просто о моем сне, правда же? На самом-то деле ничего такого не было?

— Естественно, ничего.

На сей раз именно мама отвела взгляд. И Джейн знала, почему.

Еще крепче зажав в кулаке блестящий кругляшок, она побежала вверх по лестнице в свою комнату.

© И.Ю.Куберский, перевод, 1993–2009

© Издательство "Балтийская книжная компания", оформление, иллюстрации, 1997–2009

© kubersky.spb.ru, 2008–2009

Мама ее осталась стоять в раздумье. Как странно, что Джейн все-таки догадалась. Однако не более странно, чем все остальное, касающееся этого странного вечера. Вполне вероятно, что на самом деле ничего и не произошло. Вполне вероятно, что она просто нездорова и вообразила себе всякое разное, — такое бывает при гриппе и при чем-то еще. Ей лучше немножко отдохнуть. Она выключила в гостиной весь свет и пошла наверх.

Джейн стояла посреди своей комнаты и глядела на кругляшок в руке. Он был размером с никель и формой, как никель, и цветом, как никель, только это был не никель.

Он был старый и сильно потертый — возможно, это века его так стерли, сказала себе Джейн. А вместо бизона или головы статуи Свободы на нем были какие-то странные знаки. Чтобы получше рассмотреть, Джейн поднесла кругляшок ближе к свету.

В дверь постучали.

— Погаси свет! — велел мамин голос.

Джейн погасила свет.

Однако она уже поняла, что в руке у нее талисман, способный превратить для них это лето в пору самых невероятных приключений и удовольствий.

Надо спрятать его до утра в надежном месте. Джейн наощупь пересекла в темноте комнату и открыла дверцу шкафика. На внутренней стороне дверцы висел чехол для обуви — самодельный, из ситца в цветочек, со множеством отделений, хотя когда Джейн разувалась, она редко вспоминала о его существовании.

Она бросила волшебный кругляшок в одно из этих отделений. Тут его никто не возьмет.

А затем легла в постель.

Последняя ее мысль была о том, что надо проснуться пораньше, по крайней мере на заре, и созвать всех остальных.

Они должны провести Совещание и решить, как именно им использовать этот замечательный подарок, взявшийся из ниоткуда.

Кажется, им предстоит Волшебное Лето.

И Джейн заснула.

III

Что произошло с Марком

Но, конечно, все вышло по-другому.

Джейн так устала от своих полуночных бдений, что утром проспала завтрак. Мама, которая накануне тоже устала, подумала, что Джейн лучше отдохнуть и попросила мисс Бик не будить ее. Мисс Бик, как всегда, сделала недовольное лицо, но просьбу выполнила. Мама ушла на работу, а Катрин и Марта сами, без обычного, столь желанного участия их старшей сестры, с глухим протестом вымыли и вытерли посуду после завтрака. Катрин мыла, а Марта вытирала.

— Все-таки интересно, что здесь происходит, — жалобным тоном сказала Катрин, подняв голову над банками с крупами. — До полуночи горит свет, а в гостиной Джейн с мамой секретничают. Я сама слышала! А теперь мама разрешает Джейн все утро валяться в постели. Куда только катится эта семейка!

— Это все из-за того волшебства. Из-за магии. Все это мне не нравится, — сказала Марта.

Катрин как раз дошла до этих противных кастрюль, которые надо чистить, а Марта ушла, бросив ее с ними наедине, — обычное вероломство тех, кто вытирает.

Марта отправилась в комнату Джейн. В комнате ее приветствовали вытянутые тени да бесформенная груда на постели.

— Просыпайся! — не очень-то тепло сказала она этой груде.

— Убирайся! — из-под простыни и одеяла сказала Джейн.

Марта помрачнела.

Вслед за ней в комнату вошла кошка Кэрри. Полное имя Кэрри — Кошка Кэрри Чэпмэн. Катрин назвала ее так в честь какой-то знаменитой леди, о которой она прочла в газете. Кэрри

была толстой, не очень-то интересной кошкой, которую в основном держали из-за мышей, и дети почти не обращали на нее внимания, или это она не обращала внимания на них.

Но в это утро все было таким угрюмым и странным, что Марте захотелось покоя и уюта. Она села на пол, прислонилась спиной к открытой дверце шкафчика Джейн, взяла Кэрри к себе на колени и стала ее гладить.

Все было тихо — слышалось только шумное дыхание Джейн.

Марте захотелось с кем-нибудь пообщаться.

— О дорогая, если бы ты только умела говорить, — сказала она Кэрри.

— Мурркс, — сказала кошка Кэрри. — Вах ва марагликс. Фиксаххх!

— Что? — испуганно сказала Марта.

— Вах ва марагликс, — сказала Кэрри. — Бала. Бифи узз.

— Ой! — сказала Марта. — Ой!

Она вскочила, побелев от ужаса, и, довольно невежливо сбросив Кэрри на пол, кинулась вон из комнаты.

— Фух! — обиженно сказала Кэрри. — Дурфикс! Уррт!

В дверях появился Марк.

— Здесь нет моих роликовых коньков? — спросил он. — Джейн брала их на прошлой неделе, когда на ее собственных порвался ремешок.

Марта столкнулась с Марком и вцепилась в него.

— Вот оно, то самое волшебство! Оно мне попалось! — воскликнула она. — Я пожелала, чтобы Кэрри заговорила, и вот — послушай ее!

Но именно в этот момент Кэрри предпочла оскорбительно замолчать.

— Чушь собачья! — грубо оборвал ее Марк. Он нашел в чехле для обуви свои роликовые коньки и стал надевать их. — Это у нее от старости. Она всегда была психованной.

— Самх ксихованн! — неожиданно сказала Кэрри.

На лице Марка отобразилось удивление. Затем он в сомнении покачал головой.

— Это не речь, — сказал он. — Возможно, просто звукоподражание, или еще что.

— Но я захотела, чтобы она говорила, и вдруг это началось. Как вчера у Джейн!

— Просто совпадение, — сказал Марк. — Как и вчера. Ни в какое такое волшебство я не верю. Джейн просто корчит из себя бог знает что. Просто все девчонки с ума посходили.

Он с громом покатился на своих роликах по дому и выкатил на улицу. Было слышно, как за ним по пятам проследовала мисс Бик, оплакивавшая судьбу натертого пола.

Марта сникла. Когда Марк в таком настроении, лучше к нему не обращаться. Ему иногда надоедало быть единственным мальчиком в семье девчонок, и в подобных случаях рассчитывать на его моральную поддержку не приходилось. Но Марта категорически отказывалась далее оставаться здесь наедине со спящей Джейн и насмешничающей Кэрри.

А, может, Марк прав? И это просто совпадение? Она недоверчиво посмотрела на Кэрри и вежливо осведомилась:

— Ты что-нибудь говорила?

— Халабала биксбакс! — сказала Кэрри. — Вах. Умм. Лопухсер громлап.

Марта бросилась из комнаты, громко окликая Катрин. Она нашла ее в холле.

— Я с тобой не разговариваю, — сказала Катрин. — Ты от кастрюль удираешь.

— Ой, Катрин, только не сердись! — взмолилась Марта. — Происходит что-то ужасное. Оно мне попалось, только оно неправильное.

И она рассказала Катрин о поведении Кэрри.

Две сестры, держась друг за дружку, на цыпочках подкрались к комнате Джейн и заглянули внутрь.

Кэрри была еще там — она расхаживала по полу, размахивая хвостом, и, ни к кому не обращаясь, бормотала что-то ужасное.

— Халабала биксбакс, — говорила она. — Громлап. Идиозз! Дурчфикс! Оу хочуфикс говорикс вицтам анашха?

Казалось, она изо всех сил старается выразить себя. Наблюдать за этим было мучительно, но еще мучительней — слышать.

— Это больше не может так продолжаться, — сказала Катрин. Она мужественно шагнула в комнату, сделав большой круг, чтобы обойти продолжающую бормотать свое Кэрри, подошла к бесформенной груде на кровати и тряхнула ее.

— Кфигзаччу! — сказала Джейн.

— А теперь это и с ней! — жалобно заныла Марта, стоя в дверях.

Похоже, что Катрин была ошеломлена.

— Думаю, это просто Джейн во сне разговаривает, — сказала она. — Настал час решительных действий.

— Я сейчас, — сказала Марта, которая была рада исчезнуть хотя бы на секунду.

Она побежала в ванную комнату и схватила там мокрую губку. Обойдя стороной что-то быстро лепечущую Кэрри, она подбежала к кровати и выжала губку прямо на Джейн.

Джейн тут же села на кровати и ударила сестру по лицу.

Под разразившиеся слезы и извинения, и выяснения Джейн проснулась настолько, что включилась во вразумительный разговор и сразу же обратила внимания на мыканья и фырканья Кэрри.

— Кто это сделал? — спросила Джейн. — Кто хотел, чтобы кошка заговорила?

— Я, — потрясенно уставилась на нее Марта. — Откуда ты это знаешь?

— Как ты нашла талисман? Кто тебе разрешил брать мои вещи?

— Ничего я не брала. Я не знаю, о чем ты говоришь!

— Минуточку! Где ты стояла, когда загадывала желание?

— Я не стояла. Я сидела. — И Марта показала где.

— Видимо, ты прислонилась спиной и коснулась его.

— Чего коснулась? — спросила Марта.

— Какого такого талисмана? — спросила Катрин.

— Талисмана в чехле для обуви, — сказала Джейн. — Сейчас объясню.

И она им все объяснила.

— Почему ты так в этом уверена? — спросила Марта, когда Джейн закончила рассказ. — Я имею в виду про маму вчера вечером.

— Она сказала, что с ней все в порядке, — сказала Джейн. — Но я прошерлокхолмсила^{*} все остальное. Непонятно? Она пожелала вернуться домой и оказалась на полпути от дома. Я пожелала, чтобы был пожар, и получила пожар, только маленький! Детский! Марта пожелала, чтобы Кэрри заговорила, и она наполовину говорит!

— Вах! Умм! Фиксбайко, — бросила реплику Кэрри.

— Вот именно, — сказала Джейн. — Это все тот никель, что я нашла, только это вовсе не никель. Это волшебный талисман и он выполняет все наполовину. Пока что каждый из нас получил лишь половину того, что пожелал, и теперь наша задача — загадать вдвое больше, чем наше настоящее желание. Понимаете?

— Я по частям никогда не загадывала, — сказала Марта.

Джейн снова принялась объяснять.

Марта устала слушать.

— Что значит вдвое больше, если непонятно, сколько в половине? — Вот что прежде всего ей хотелось выяснить.

— Не будь дурочкой! — с издевкой воскликнула Катрин. — Не об этом же тебе нужно его просить!

— Никто ни о чем не будет просить, пока мы все это не обсудим и не решим, — твердо заявила Джейн. — Зачем нам тратиться на лишние желания — ведь мы не знаем, надолго ли нам хватит талисмана. Сначала мы должны спланировать, а потом уж загадывать по очереди. Мое вчерашнее желание не считается, потому что я ничего не знала. Я буду первой, как самая старшая.

— А разве вдвое больше не относится к самой младшей? — с горечью спросила Марта, которой надоело быть всегда на последних ролях.

Но сестры не обратили на нее внимания.

— Нужно попросить о самых разных, по-настоящему удивительных, замечательных и важных вещах! — говорила Катрин. — Только я еще не знаю, о каких именно.

— Дурчфикс! Эгоикс! Чинименякс! — неожиданно сказала Кэрри.

Они посмотрели на нее с сочувствием. Теперь, когда они знали причину, ее выкрики больше так не пугали — про нее чуть ли не забыли вовсе. И все же, хотя, она, кажется, выражалась теперь

* Слово восходит к Шерлоку Холмсу, знаменитому сыщику, герою книг английского писателя Артура Конан-Дойла (1859-1930).

более понятно, было совершенно очевидно, что она просто в ярости от своего полуговорения, и надо что-то предпринять.

— Бедная Кэрри. Для начала я приведу тебя в норму, — пообещала Джейн. — Только талисман возьму.

Она сунула руку в чехол для обуви, но талисмана там не было.

Она сунула руку в другое отделение. Но и там талисмана не было!

Она принялась бешено искать по всем секциям, вытаскивая обувь и вытряхивая ее. Но талисмана не было. Джейн стала выходить из себя.

— Ну что за дом! — воскликнула она. — Нельзя ничего найти! Опять эта мисс Бик убиралась в моей комнате?

— Нет, она сказала, что убраться нужно, но это выше ее сил.

— Значит, Марк! — предположила Джейн. — Интересно, где он сейчас? Кто-нибудь его видел?

— Я видела, — доложила Марта. — Он заходил сюда за роликовыми коньками, всего несколько минут назад.

— Роликовые коньки! — в голосе Джейн прозвучал жалобный стон. — Они были в чехле для обуви! Наверно, он нашел талисман и взял его! Как будто живешь не у себя дома, а в воровском притоне.

— Не думаю, что он взял, — сказала Марта. — Он сказал, что все это просто совпадение.

— Может, он вовсе даже и не заметил волшебный талисман, — резонно возразила Катрин. — Может, он просто надел коньки с ботинками, в одном из которых лежал талисман, куда ты его, может, случайно положила в темноте вечером. Может, он просто там прилепился к стельке. И, может, и сейчас там — просто, может, Марк об этом не знает. Может, он вскоре чего-нибудь пожелает, и тогда...

— Замолчи! — Джейн было невыносимо слушать это. — Надо его найти! Пока он не захотел чего-нибудь ужасное и не получил половину своего желания. Куда, по-вашему, он мог деться?

Джейн принялась поспешно одеваться.

— Вах! Именякс! Менякс! — сердито сказала Кэрри.

— Хорошо. Мы возьмем тебя с собой. — Марта, которая начинала уже понимать полуязык Кэрри, взяла ее под мышку.

В холле они натолкнулись на мисс Бик.

— Куда это вы берете кошку? — поинтересовалась она.

— Дурфс! Идиос! Прочкс дорогикс! — грубо выпалила Кэрри.

Мисс Бик побледнела и попятилась.

— Эта кошка больна! — воскликнула она.

— Знаю, — на ходу обернулась Катрин. — Мы несем ее к ветеринару.

Как и все прочее, что было потом, ложь эта на самом деле была полуправдой. Они взяли с собой Кэрри, чтобы вылечить, если только этот талисман умел лечить.

Дети выскочили из дома и встали, озираясь.

К счастью, они жили на углу и могли глянуть на все четыре улицы, разбегающиеся в четырех направлениях.

Но поиски их не были вознаграждены ни желанным звуком катящихся по асфальту роликов, ни видом самого одиннадцатилетнего мальчика. В конце концов они поспешили на юг по Маплвуд авеню, и вовсе не потому, что юг выглядел более многообещающе, чем восток, или север, или запад, а потому что с чего-то ведь надо было начинать. Марта крепко прижимала к себе Кэрри, стараясь приглушить звуки, которые та продолжала издавать, но несколько пешеходов, попавшихся им навстречу, так и остолбенели, глядя детям вслед.

— Вахх! Чуррм! Спародик! — взвизгивала Кэрри по поводу прохожих. Похоже, так она развлекалась.

— Тише! Тише! — говорила ей Марта. Ей приходилось не сладко, чтобы поспевать за своими сестрами. — Потерпи еще немножко. Во всяком случае, надеюсь, что немножко.

Тем временем Марк уже успел немного покататься поблизости. День был серый и хмурый, и Марку захотелось, чтобы вышло солнце. Минуту спустя оно наполовину выглянуло из-за туч.

Теперь, когда он повзрослел, ему уже не казалось, что он словно ветер несется на роликовых коньках, как то было прежде, в те дни, когда он только начинал. Ему захотелось, чтобы ролики катились быстрее. И вскоре ему показалось, что они, хоть и немного, но прибавили скорости.

Но просто кататься в одиночку на роликах было не очень-то интересно. Ему захотелось, чтобы с каникул вернулись все его друзья и приятели. Хорошо бы, подумал он, подъехать к пустой автостоянке, что впереди, а они все там и, как обычно, играют в бейсбол.

И когда он на всех парах проносился мимо пустой автостоянки, ему померещилось, что там, вроде, в самом разгаре схватка каких-то полуупрозрачных игроков.

Он свернул за угол и покатил к собственному кварталу на Маплвуд. Проезжая мимо дома миссис Гудзон, он захотел, как бывало и прежде, чтобы железная собака на дворе хотя бы разик взяла да и превратилась из железной в настоящую собаку.

Когда он оглянулся, ему показалось, что он слышит слабый приглушенный лай, и что железный хвост собаки пытается вилять. Марк решил, что у него, должно быть, довольно живое воображение — именно так всегда и говорила его последняя учительница мисс Амрхейн.

Мысль о мисс Амрхейн напомнила ему о школе. Может, кто-нибудь еще болтается на школьном дворе, кто еще не уехал на каникулы. На следующем углу он повернул и покатил вниз по улице Монро к зданию школы.

Только Марк свернул за угол, как Джейн, и Катрин, и Марта вышли из дома и поспешно зашагали по улице.

Когда они проходили мимо двора миссис Гудзон, кошка Кэрри вырвалась у Марты из рук и бросилась к железной собаке.

— Мья! — завопила она, шипя и негодуя. — Банксдит! Болксван! Чумакс!

Сдерганный рык раздался изнутри железной собаки и она подалась вперед, вся дрожа от напряжения, будто пытаясь наброситься на Кэрри.

Джейн издала победный клик.

— Глядите! — крикнула она. — Собака наполовину живая! Наверняка здесь был Марк. Наверняка это его желание. Скорее — мы на правильном пути!

Марта оттащила Кэрри от железной собаки и поспешила за остальными. На углу они остановились в нерешительности, затем свернули на улицу Монро и устремились по ней в сторону школы.

Марк стоял и глядел на школьный двор. Он был пуст, как и следовало ожидать. Разочарованный, Марк повис вниз головой на турнике, на согнутых ногах, и стал раскачиваться. Ему почти — но все же не совсем — захотелось, чтобы снова начались школьные занятия, — тогда бы сюда вернулись все ребята. В этом пустом городе все равно, что на пустынном острове.

Мысль о пустынных островах напомнила ему, что в этом году он еще не перечитывал Робинзона Крузо. Он еще продолжал думать о Робинзоне Крузо, когда во двор школы вбежали его сестры.

— Слава богу, мы вовремя тебя нашли, чтобы предупредить! — крикнула Джейн. — Что ты тут делал?

Марк, продолжая висеть вниз головой, посмотрел на нее.

— Я как раз хотел оказаться с вами на пустынном острове, — сказал он.

В следующий момент турник как будто переломился, и Марк тяжело упал на землю. Но вместо того, чтобы приземлиться на острый гравий школьного двора, он упал на горячий песок.

Марк кувырнулся через голову и огляделся. Его сестры сидели рядом, и вид у них был почти такой же удивленный, как у него самого. Над ними в безоблачном небе сияло палящее солнце. И больше, кажется, ничего вокруг, кроме песка.

— Что случилось? Где мы? — воскликнул Марк в изумлении.

Джейн мрачно вздохнула.

— Просто ты получил половину желания, — сказала она ему. — Пустыню — да. Остров — нет.

Марк еще раз огляделся. Все верно, даже слишком. Это была определенно пустыня, однако без каких-либо отрадных для взора волн, украшающих горизонт, — лишь песок да песок, унылые миля за мией.

— Ничего, — немного устало продолжала Джейн. — Я только очень хочу, чтобы больше никто попусту не выражал желаний. Снимай коньки и я верну всех домой.

Пришлось потратить некоторое время для того, чтобы Марк хотя бы частично осознал происходящее. Они рассказали ему про полупожар, про маму, про Кэрри. Наконец он начал понимать.

Он снял ботинок с роликовым коньком и потряс. Пусто. Он снял второй ботинок и тряхнул его.

Что-то металлическое описало в воздухе дугу, сверкнув в безжалостном свете солнца пустыни, и упало в песок.

Каждый из ребят мог бы поклясться, что точно видел, куда упал этот волшебный кругляшок, и четыре пары рук охотно принялись за работу — перекапывать песчаное пекло. За работу принялась и одна пара лап — кошка Кэрри решила хоть раз оказаться полезной. Так что возможности мешать друг другу и препираться было предостаточно.

Прошло минут пять, а волшебный талисман все не находился. Песок чуть ли не обжигал. Боль в пальцах усилилась, а терпение убавилось.

— Не ползай там, где я копаю, — сказала Катрин Марте.

© И.Ю.Куберский, перевод, 1993–2009

© Издательство "Балтийская книжная компания", оформление, иллюстрации, 1997–2009

© kubersky.spb.ru, 2008–2009

— А ты не копай там, где я ползаю, — сказала Марта Катрин.

— Судя по тому, что талисмана нет как нет, — сказала Джейн, — можно подумать, что он сам захотел, чтобы все пошло кувырком.

Миновало еще десять минут.

— Лично я, — сказала Марта, разгибаясь в изнеможении, — лично я больше никогда не буду играть в песочнице.

— Всем благовониям Востока не сдобрить этот противный песок, — согласилась поэтичная Катрин, тоже разгибая спину.

— Но мы должны найти талисман! — воскликнула Джейн, нетерпеливо продолжая раскопки.
— Иначе мы никогда не попадем домой! Мы умрем от жажды, и через месяц какой-нибудь араб найдет наши выбеленные кости и никогда не узнает, кто это был!

— Я хочу пить, — сказала Марта. — И есть, — добавила она.

— Откуда нам известно, что это действительно Восток? — спросил Марк. — Может, это всего-навсего Долина Смерти^{*}.

— Даже если так, — сказала Джейн, — то это маленькое утешение. Будем копать. Хотя это все равно, что искать верблюда в игольном ушке^{**}, — признала она.

Именно в этот момент и появился караван.

Это был довольно потрепанный караван, без всякого товарного вида, всего лишь три грязных верблюда и один оборванный араб с ними, да несколько жалких, пустых на вид, выюков на верблюжьих спинах, но благодаря этому каравану детям стало ясно, что они находятся в той самой легендарной пустыне, о которой они так много знали из действительности и из книг.

— Потерянные в Сахаре! — с драматическим пафосом воскликнула Катрин.

Марк повел себя более практично.

— Эй, на судне!^{***} — закричал он. — Караван! SOS!^{****} Спасите! Помогите!

Три грязных верблюда и оборванный араб изменили направление и двинулись к ним.

Как только они стали приближаться, дети пожалели об этом. Вид у оборванного араба был коварный и совершенно непривлекательный. Остановившись перед ними, араб улыбнулся, и это и вовсе испортило впечатление.

— Бисмалла!^{*****} — сказал он.

— Хей! — сказала Марта.

— За кого ты его принимаешь, за индейца, что ли? — тихо, сквозь зубы прошипел Марк. И сам обратился к арабу:

— Ахала-махала, покажи, о достойный слуга, ближайший оазис бистро-бистро?

^{*} Межгорная впадина в пустыне Мохаве, США. Название связано с гибелью в 1849 году партии золотоискателей от нехватки воды.

^{**} Джейн перефразирует известные слова из Евангелия от Матфея о том, что легче верблюду пролезть сквозь игольное ушко, чем богатому попасть в рай.

^{***} Видимо, Марк имеет в виду, что верблюда называют "корабль пустыни".

^{****} SOS — международный радиосигнал. Применяется всеми, кто терпит бедствие на суше и на море.

^{*****} Арабское приветствие, буквально означающее "Хвала Аллаху".

— Он этого тоже не поймет — для него это как китайский язык, — сказала Джейн.

Но араб, кажется, понял.

— Дети Запада следуют Ахмед, — сказал он.

Однако Джейн помотала головой.

— Мы не можем бросить талисман! — воскликнула она. — Это наш единственный шанс вернуться домой.

— Может, нам добраться до представительства Лиги Наций^{*}? Оттуда мы можем дать маме телеграмму. Она пришлет за нами, — сказала Катрин без особой уверенности.

— Это будет стоить баснословно дорого и займет сто лет! — воскликнула Джейн. — Я не сойду с этого места! Если еще поискать, то мы найдем эту волшебную штукку.

Но араб по имени Ахмед схватил ее за руку и не очень-то вежливо мотанул к ближайшему верблюду.

— Делай, как он велит, — шепнул Марк Джейн. — Во всяком случае, нам нужна вода. Мы снова найдем это место, если отметим его роликовыми коньками.

Он не стал говорить о своем опасении, что ветер может похоронить в песке коньки еще раньше, чем все вернутся. Он не стал упоминать и других своих опасений, тоже беспокоивших его.

Джейн позволила арабу подсадить ее на ближайшего верблюда. Марк помог Катрин взобраться на второго, а араб поднял Марту на третьего. Вместе с Марком и арабом, которые шли пешком, они двинулись по пустыне.

Спустя некоторое время Джейн стала получать удовольствие оттого, что едет на спине верблюда, и на мгновенье она забыла про талисман. Казалось, что и Катрин почти счастлива, однако Марту от этих скачков вверх-вниз стало укачивать, и она попросилась вниз.

Марк помог ей слезть с верблюда, и она пошла рядом. Но ее коротенькие ножки вскоре устали, а ступни заболели, потому что песок обжигал даже сквозь тонкую подошву ее туфель. Марку приходилось чуть ли не тащить ее, и двигались они медленно, так что немного отстали от остальных.

Марк испытывал недоверие к арабу Ахмеду, и это беспокоило его. Слишком уж охотно Ахмед взял с собой детей, к тому же Марку не понравилась его улыбка.

И вскоре опасения Марка подтвердились. Кошка Кэрри, похоже, завязала дружеские отношения с третьим верблюдом, тем самым, с которого слезла Марта. Она трусила возле этого верблюда. Он опустил к ней свою морду. Казалось, будто они разговаривают по-своему, как то, несомненно, и делают животные.

Затем Кэрри бегом воротилась к Марку и Марте.

— Фух! Дурчмапс! — прошепелявила она Марку. — Кстыд и ксрям! Кспохитили! За выкупск!

— Этого я и боялся, — сказал Марк. — Кто тебе сказал?

— Скверблюд!

* Международная организация, учрежденная в 1919 году и имевшая целью развитие сотрудничества между народами и гарантию "мира и безопасности". Распущена в 1946 году. Вместо нее в 1945 году создана Организация Объединенных Наций (ООН).

Марта заплакала.

— Не бойся, — сказал ей Марк, — мы как-нибудь удерем.

Но хотел бы он знать — как? К счастью, как раз в этот момент показался оазис, и Марта отвлеклась.

Это был не очень большой оазис — не такой, как Лига Наций — но там были две, или три финиковые пальмы и арык. Все остановились, чтобы сделать желанный глоток воды. Финики были восхитительные. Марта сняла туфельки, чтобы остудить ноги в воде арыка. В них набралось порядочно песку и, когда она стала его высыпать, именно Марк первым заметил, как вместе с песком выпало что-то круглое, блестящее, серебряное.

Хотя он еще ни разу не видел этот предмет, ему не надо было объяснять, что это такое. Он выбросил вперед руку и на лету поймал талисман, не дав ему снова пропасть.

Катрин увидела его вслед за Марком.

— Ведь говорила тебе — не ползай там, где я копаю! — сказала она Марте.

Джейн увидела его вслед за Катрин.

— Это наш талисман! — воскликнула она. — Попроси, чтобы мы были дома! А ну-ка, дай мне!

Но араб Ахмед, стоявший рядом, тоже увидел блестевший кругляшок. Он шагнул к ним, схватил Марка за запястье, поднес его руку с талисманом к своим глазам, и прочел на нем таинственные знаки.

Выражение его лица изменилось. Больше он не походил на похитителя детей, задумавшего что-то недобroе. Он походил на праведника, который поймал вора в своем доме, или, что даже хуже, — в святилище своих богов. Голос его стал металлическим.

— Западный дети крадеть священный талисман! — возопил он. — Священный талисман, который пропал много лет назад. А ну, верни!

Его рука накрыла талисман, но еще раньше Марк зажал талисман в кулаке. И он сказал первое, что пришло ему в голову:

— Желаю, чтобы ты оказался на полмили отсюда.

И тут же араб Ахмед, естественно, оказался на расстоянии в половину полукилометра, то есть в четверти километра от них. Он был даже виден детям — крошечная точка в песках пустыни. Но эта точка приближалась, поскольку Ахмед снова бежал по направлению к ним.

— Скорей! Дай мне! Я верну нас домой! Ты не знаешь, как! — крикнула Джейн Марку, но тот отмахнулся от нее. Он задумался.

— Может, этот талисман действительно принадлежал его народу, — сказал он.

— А теперь принадлежит нам! — сказала Джейн.

— Что упало, то пропало, — сказала Катрин.

— Но, может, его украли. Из храма или еще откуда, — размышлял Марк. — Знаете, как притесняли местных жителей в старые времена. Это нехорошо.

И все вынуждены были согласиться, что да, нехорошо. Все, кроме Кэрри, которую редко когда заботили благородные побуждения.

— Кстыд и ксрам! — напомнила она Марку.

— Ведь он действительно хотел нас похитить, — согласилась с ней Марта.

— Неужели? — удивленно воскликнули взволнованные Джейн и Катрин.

— Да, хотел, но не будем терять время, — сказал Марк. — Я потом расскажу. Может, он не стал бы нас похищать, если бы не был так беден и раздавлен нищетой. Мы же должны быть добры к нашим недругам, согласны?

Араб Ахмед был уже не так далеко. Марк подождал, пока он приблизится настолько, чтобы видеть его лицо. Затем он громко провозгласил желание, которое тщательно обдумал.

— Желаю, чтобы араб Ахмед имел вдвое больше того, что он заслуживает, как если бы он сам попросил у талисмана! — сказал Марк. И, естественно, талисман, для которого арифметика была пустым звуком, урезал это пожелание ровно наполовину, и мгновенно араб Ахмед получил столько добра, сколько и заслуживал.

В караване вдруг вместо трех оказалось пять верблюдов. И вместо старых и грязных эти верблюды оказались молодыми и здоровыми. И упряжь вместо старой и нас kvоз прогнившей стала новой и нарядной. Тощие полупустые выюки разбухли от дорогих товаров.

Неожиданно возле Ахмеда появилась дородная арабка, ведущая за собой шестерых арабчат. Она смущенно улыбалась арабу.

Ахмед резко остановился и посмотрел на караван, на арабку и на арабчат. Возглас великого счастья исторгся из него. На лице его выражение мира и покоя сменило прежнее выражения тревоги и коварства. Он обратился в сторону Востока и упал лицом в песок. Голос его вознесся в небеса и зазвучал как благодарственная молитва.

Именно в этот момент Марк, еще отмахивающийся от помощи Джейн, громко объявил о втором желании, которое тщательно обдумал.

— Желаю, чтобы мы вчетвером, а также кошка Кэрри, попали бы вдвое дальше от нашего дома.

И в следующий миг оказалось, что они сидят у себя на крыльце.

Первое, что они сделали, это сходили к дому миссис Гудзон. Наполовину ожившая железная собака еще нервно подрагивала на лужайке.

Тут миссис Гудзон как раз вышла из дома, в руке у нее была корзина для рынка, и увидела вздрагивающую собаку.

— Землетрясение! Землетрясение! — закричала она и бросилась обратно в дом.

Марк, у которого это хорошо получалось, загадал третье желание.

— Желаю, — сказал он, — чтобы эта собака стала бы дважды живой или дважды неживой, как она сама того пожелает.

И немедленно собака перестала трястись и замерла — холодная и недвижная, словно из железа (каковой она и стала снова).

— А тебе не кажется, что ей было бы лучше стать настоящей собакой? — поинтересовалась Катрин.

— Полагаю, что все, что из железа, предпочитает оставаться железным, — сказал Марк, который в этот день многое понял.

Теперь все четверо повернулись к кошке Кэрри.

— А ты не хочешь продолжать говорить, только разборчивей? — спросила Марта, которая уже поднаторела в том, чтобы получить удовольствие от разговоров со своей воспитанницей.

— Николько никсочус, — сказала Кэрри. — Молчание — кзолото.

И все остальные решили, что для одного дня у Марка и так было предостаточно желаний, и что им самим следует решить кошачью проблему.

— Я желаю, — сказала Марта, не дав себе труда хорошенъко подумать, — чтобы кошка Кэрри больше никогда не разговаривала.

— Мда... ты, конечно, все перепутала, — сказала кошка Кэрри. — Теперь я, конечно, не смогу разговаривать всегда, но в оставшуюся половину времени я могу говорить абсолютно разборчиво, хотя, естественно, этого и не хочу, но вот вам, пожалуйста, говорю, говорю, говорю, и так будет продолжаться тридцать секунд, а затем, полагаю, будет тридцать секунд молчания, а затем снова буду говорить, говорить, говорить, как будто мне есть что сказать, хотя сказать мне нечего, потому что я всегда наедине со своими собственными мыслями, однако долг обязывает, вот и

говорю слова, которые так и слетают с языка, осталось еще три секунды, " дальнейшее — молчанье, Шекспир!"*

Внезапно она выключилась, но только на тридцать секунд. А затем завелась снова. Дети заткнули уши до следующей паузы. И тогда Катрин торопливо высказала предложение.

— Дело в том, что нам нужно, чтобы она мяукала и мурлыкала, как прежде, — сказала она. — Дело в том, чтобы придумать такое слово, половина которого будет "мяу" или "мур".

— Я знаю! — сказала Джейн. И она загадала желание:

— Желаю, чтобы впредь кошка Кэрри ничего не могла сказать, кроме слова "мурка".

— Рка! — сказала кошка Кэрри. — Рка! Ркар-кар-кар-кар-кар!

И она закаркала, как ворона.

— Дай-ка лучше я, — сказал Марк. — У меня есть опыт. Он взял талисман. — Желаю, чтобы кошка Кэрри молчала вдвое больше, чем она сама желает.

— Мяу, — сказала кошка Кэрри. — Мур.

И без какого-либо выражения благодарности Марку за возвращение ее к нормальности, она бросилась за пролетающей малиновкой.

Усталые, но счастливые, дети ввалились в дом.

День оказался долгим и полным всякого разного, но в итоге все сложилось лучше некуда. Мисс Бик встретила их упреками — они пропадали весь день и пропустили ланч.

— Ну, подождите, я все вашей матери расскажу! — сказала она.

И дети ждали.

В тот вечер после рассказа мисс Бик у их мамы был строгий и суровый вид.

— Я не хочу, чтобы подобное опять повторилось, — сказала она им за ужином, — чтобы мои дети болтались неизвестно где. Между прочим, вы, может, слышали — происходит что-то довольно жуткое. Похоже, что началась волна похищений детей, или по крайней мере исчезновений. Мы в газете целый день получали сообщения из различных лагерей, с озер и прочих мест. Исчезло много мальчиков. Боюсь, что это в основном твои друзья, Марк. Фредди Фокс, Ричи Гоулд и Майлз Робинсон. Впрочем, сообщили, что Майлз оказался на полпути к дому и сам не знает, как туда попал...

Марк внезапно поперхнулся своим молоком и густо покраснел.

Он незаметно подал условный знак, которым пользовалась вся четверка. Они поспешили закончить ужин и собрались в комнате Марка.

— Это просто ужасно! — воскликнул Марк, едва дверь за ними надежно закрылась. — Я вспомнил! Утром мне захотелось, чтобы все ребята вернулись домой. И теперь все они на полпути к дому и бродят по полям и лесам. Надо им помочь!

Он вынул талисман из кармана, куда положил днем после исполнения последнего желания, и сказал:

— Хочу, чтобы все ребята, которым я пожелал вернуться домой, вернулись бы туда, где они были до моего желания, только вдвое дальше.

* Последние слова датского принца Гамлета из трагедии В.Шекспира "Гамлет".

И все согласились, что это надо было сделать. Но Марка все еще не покидала тревога.

— Впредь мы должны быть осторожными, — сказал он. — Чтобы больше никаких ошибок. Это может плохо кончиться.

— Мы спрячем его в надежном месте, — сказала Джейн, — до завтра.

— Я знаю где, — сказала Катрин.

Она привела их в комнату, которую делила с Мартой. Там в полу одна доска отошла и под ней было свободное место, куда дети прятали всякую всячину, еще в ту пору, когда они были маленьенькими.

В этом тайнике дети и спрятали талисман.

— А если его найдет мышка и загадает желание? — усомнилась Марта.

Но остальные решили, что половина желания мышки будет слишком маленькой, чтобы расстроить их планы.

А планов у них было много.

— Нам надо перед сном обдумать свои желания, — сказала Джейн. — Теперь будет лучше получаться, потому что нам все известно. Отныне мы будем загадывать только разумные желания. Завтра начнется самое интересное.

И, в каком-то смысле, так оно и вышло.

IV

Что произошло с Катрин

На следующее утро перед завтраком тайных встреч не было.

Джейн была в своей комнате, Марк в своей, а в комнате Катрин и Марты обе девочки едва обменялись одним-двумя словами.

Каждый был слишком занят тем, что строил свои личные планы и обдумывал свои самые заветные желания.

Позавтракали молча, однако обмениваясь возбужденными взглядами. Мама всех четырех почувствовала, что что-то не так, и подумала о том, какие еще испытания уготованы ей.

Когда мама ушла на работу, а все противные обязанности, включая мытье посуды, были выполнены, дети собрались в комнате Катрин и Марты. Катрин уже проверила талисман — он тихо и мирно покоился в уютном гнездышке, непотревоженный желаниями мышки или какого-нибудь там терmita.

Джейн очертила некоторые правила.

— Мы будем загадывать желания по очереди, — сказала она. — Никто не загадывает такого желания, которое не включало бы всех нас. Если в каком-нибудь нашем приключении понадобятся дополнительные желания, то их имеет право загадать тот, кто загадал основное желание, за исключением крайних случаев, когда он, допустим, потерял талисман, а кто-нибудь из остальных его нашел. Я загадываю первая.

По этому поводу у Катрин нашлось, что возразить.

— Почему именно ты? — сказала она. — Фишки ты всегда первой хватаешь, потому что ты самая старшая, а взрослые прежде всего уступают Марте, потому что она самая маленькая, а у Марка так просто сладкая жизнь, потому что ему все можно, да к тому же он еще и мальчик! А у

средних детей вовсе никаких прав. А кроме того, вспомним, кто еще не загадывал ни одного желания?

И верно. У Джейн был полупожар, у Марты — полуговорение Кэрри, а Марк отправил всех на пустынный полуостров.

Джейн признала, что Катрин заслуживает права попробовать первой. Но она не могла удержаться от совета.

— Только давай-ка без всяких там ерундовых визитов к Генри Уодсурту Лонгфелло, — сказала она. — Надо, чтобы всем было интересно.

— Я так и хочу, — сказала Катрин. — Только мне не выбрать, что лучше, — летать, как птицы, или чтобы у нас было больше всех денег.

— Это все не то, — сказала Джейн. — Во всех историях люди только этого и хотят, но у них ничего не получается. Или они летают слишком близко к солнцу и сгорают, или гибнут, заваленные всеми этими деньгами.

— Мы могли бы попросить бумажные деньги, — предположила Катрин.

И дети заспорили о том, сколько миллионов долларов в крупных банкнотах понадобится, чтобы насмерть придавить человека. И когда вся четверка вернулась наконец к теме волшебного талисмана, уже прошло зазря семнадцать драгоценных минут.

Но тут у Марка возникла одна идея.

— Мы уже знаем, что талисман может отправлять нас сквозь пространство, — сказал он. — А как насчет времени?

— Ты имеешь в виду путешествие в прошлое? — засверкала глазами Джейн. — Встретиться с Капитаном Киддом^{*} и Нероном^{**}?

— Мне всегда хотелось пожить в старые романтические времена, — сказала Катрин, которая тоже загорелась. — "Во дни деяний разных и рыцарей прекрасных".

Остальные поддержали эту идею. На сей раз в порядке исключения дети пришли к полному согласию.

— Загадай турниры, — сказал Марк.

— И рыцарские приключения, — сказала Джейн.

— Загадай также добрые деяния, — сказала Марта. — На всякий случай.

— Не забудь пожелать всего этого дважды, — сказали все трое. И они дружно сгрудились возле Катрин, как только она достала талисман.

— Желаю, — сказала Катрин, — чтобы мы вернулись в два раза раньше времен Короля Артура и посмотрели бы два турнира, и совершили бы два приключения, а также два добрых деяния.

И в следующий момент дети оказались на дороге, запруженной людьми. Мимо них как раз проплывали под шелковым паланкином четыре королевы. Затем мимо пробежали вприпрыжку семь веселых доярок — они спешили на праздник Весны. Поодаль доблестный рыцарь без страха и упрека гнался за мрачным великаном, а по другую сторону дороги мрачный великан что было

^{*} Кидд, Вильям (1645-1701) — шотландский мореход, капитан капера, то есть судна, команда которого занималась разбоем, грабя торговые суда противника. Повешен за пиратство.

^{**} Нерон (37-68) — римский император, отличавшийся исключительной жестокостью.

сил гнался за доблестным рыцарем. Несколько путников остановились возле детей и спросили дорогу на Кентербери. Дети не знали.

Но им уже надоело столпотворение на Королевской дороге, и они устремились в поле, где трава им показалась такой зеленой и сочной, какой в собственном своем времени они никогда не видывали. Неподалеку на земле под яблоней лежал кто-то огромный. Это был рыцарь во всех своих доспехах — он спал крепким сном.

Четверо детей поняли, что он спит, потому что Марта подняла забрало его шлема и заглянула внутрь. Изнутри раздавался негромкий храп.

На земле возле рыцаря лежал рыцарский меч, и Марк протянул руку, чтобы его взять.

Спящий рыцарь немедленно проснулся и сел.

— Кто крадет мой кошелек, тот крадет хлам, — сказал он, — но кто крадет мой меч, тот крадет самою честь, и того, клянусь небом и землей, я разрублю от головы до чресел.

— Простите меня, сэр, — сказал Марк.

— Мы ничего плохого не хотели, — сказала Джейн.

— Мы сожалеем, — сказала Катрин.

Рыцарь протер глаза своим железным кулаком. Он ожидал увидеть какого-нибудь подлого негодяя, а перед ним стояли Марк и Джейн, и Катрин, и Марта.

— Кто есте вы? — сказал он. — Или какой злой ворог убил меня во сне? Или я на небеси? Вы есте херувими или серафими?

— Мы есте ни те, ни другие, — сказала Катрин. — И здесь никакие не небеси. А мы просто четверо детей.

— Фу! — сказал рыцарь. — Вы есте дети, каких эти глаза еще не видывали. На вас наряды заморские.

— Тот, кто вырядился в железные доспехи, мог бы и удержаться от подобных замечаний, — сказала Катрин.

Тут их разговор был прерван. Появилась какая-то леди на белой, как молоко, лошади. Казалось, что она чем-то весьма взволнована.

— Эй, доблестный рыцарь! — воскликнула она.

Рыцарь встал на ноги и вежливо поклонился. Леди заморгала глазами и так на него глянула, что детям стало за нее стыдно.

— Слава Богу, что я нашла вас, — продолжала она. — Вы единственный на всем белом свете можете мне помочь, если только я не ошибаюсь, что ваше имя сэр Ланселот.

Дети уставились на рыцаря, открыв от изумления рты.

— Вы действительно сэр Ланселот? — спросил его Марк.

— Да, таково мое имя, — сказал рыцарь.

Четверо детей не сводили с него глаз. Теперь, когда рыцарь окончательно проснулся, они могли убедиться, что его слова — чистая правда. Ни у кого в мире больше не было ни такой мужественной осанки, ни такого благородного лика. Пред ними предстал сам сэр Ланселот дю Лейк, величайший из рыцарей рыцарской эпохи.

— Как поживает Элейна? — тут же решила выяснить Катрин. — А как малыш Галахад?

— Мне неведомо, о ком вы говорите, — сказал сэр Ланселот.

— Ах да, вы еще об этом поведаете, рано или поздно, — сказала Катрин. — Вероятно, вы до них еще не дожили.

— Вы есте пророчица? — воскликнул сэр Ланселот, явно заинтригованный. — Вы можете узреть будущее? Поведайте еще что-нибудь.

Но леди на молочно-белой лошади надоело ждать.

— Прочь, мелюзга! — сказала она, оттесняя их лошадью от сэра Ланселота. — О, храбрый рыцарь, я умоляю о помощи. Недалеко отсюда в печальном замке один ужасный великан-людоед терзает благородных дев. Я Настоятельница Общества Благородных Мучениц. Нам нужна ваша помощь.

— Само собой разумеется, — сказал сэр Ланселот. Он свистнул — и из-за яблони появился верный его конь, хрустя яблоком. Сэр Ланселот стал садиться на коня.

Четверо детей переглянулись. Им совершенно не понравилось все, что касалось этой леди, а как она обошлась с ними — тем более.

Катрин сделала шаг вперед.

— На вашем месте я бы не ехала, — сказала она. — Возможно, это ловушка.

Леди злобно зыркнула на нее.

— Пусть даже так, — сказал сэр Ланселот. — Я обязан, коли долг зовет. — И он расправил поводья.

Катрин вытянулась в струнку на все свои четыре фута четыре дюйма.

— Как вы уже заметили, я есмь великая предсказательница! — воскликнула она. — И я глаголю вам не ехать туда, куда велит эта леди. Она вам не принесет ничего, кроме несчастья!

— Я поеду туда, куда мне заблагорассудится, — сказал сэр Ланселот.

— Так в путь! — сказала леди.

— Вы пожалеете об этом, — сказала Катрин.

— Хватит с меня словопрений, — сказал сэр Ланселот. — Еще никогда Ланселот не отказывал почетному гостю. Теперь я знаю, кто вы есть. Вы все вчетвером есть злые колдуны и колдуны, явившиеся мне в детском обличии, дабы сбить меня с моего пути. Напрасные потуги. Прочь с дороги! Сгиньте, смерды! Чтоб глаза мои вас больше не видели, и чтоб духу вашего не было. Убрайтесь!

Сэр Ланселот гикнул своему коню, а леди гикнула своему, и они припустили галопом по Королевской дороге. Всем четверым пришлось кинуться в разные стороны, чтобы не попасть под летящие копыта.

Естественно, для Катрин было делом одного мгновения, просто задачкой деления целого на части, чтобы они в свою очередь тоже заимели лошадей и пустились в погоню.

Тут же они получили и то и другое.

Сэр Ланселот обернулся и увидел, что четверка наседает ему на пятки.

— Сгинь, нечистая сила! — крикнул он.

— Не сгинем! — крикнула Катрин.

И они продолжали скакать следом.

Детям прежде не приходилось ездить верхом, но оказалось, что это не так уж и трудно, разве что для Марты лошадь была чуть великовата, и малышке было непросто держаться в седле.

Самым же интересным было то, что едва леди начинала бросать влюбленные взгляды на сэра Ланселота, как дети почти догоняли их и принимались освистывать, а сэр Ланселот оборачивался в своем седле и восклицал: "Прочь, нечисть!" И так повторялось не раз и не два. И с каждым разом сэр Ланселот все больше сердился.

Они проскакали порядочное расстояние, растянувшись по обе стороны дороги, и приблизились к темному лесу. Именно на опушке леса леди и воскликнула, что ее лошадь потеряла подкову. Сэр Ланселот осадил коня, дабы прийти на помощь. Дети остановились на безопасном расстоянии.

Но едва сэр Ланселот стал слезать с коня, как из лесу выскочили верхом трое рыцарей. Один был одет во все красное, другой — во все зеленое, третий — во все черное. Не успели дети и рта раскрыть, как эти рыцари напали сзади на сэра Ланселота.

Трое против одного — это было абсолютно нечестно. Но пусть даже так — у сэра Ланселота хватило бы сил и на девятерых, если бы только его не застали врасплох. Получилось же, что он даже не успел коснуться своего меча, как трое рыцарей схватили и разоружили его, связали по рукам и ногам, положили поперек седла на его собственную лошадь и поскакали с ним, несчастным пленником, в лес.

Леди повернулась к детям.

— Ха-ха-ха! — захохотала она. — Теперь они доставят его в мой замок и заточат в темнице, в подземелье, и каждый день будут сечь колючими розгами. И так будет со всеми рыцарями Круглого Стола, пусть только попадутся нам! Смерть Королю Артуру!

— Вы обманщица, вот кто вы! — сказала Джейн.

— Я ведь его предупреждала! — сказала Катрин.

— Поехали домой! — сказала Марта.

— Нет, мы должны его спасти, — сказал Марк.

— Хо-хо! — сказала леди. — Только посмейте, колдовское отродье! Ваша магия просто ничто по сравнению с моей. Знайте же, что я великая волшебница Морган ле Фей.

— Подумаешь! — сказала Катрин, которой не понравилось, что ее назвали колдовским отродьем. А кому бы это понравилось? — Я помню вас по книгам. От вас одни неприятности. Желаю, чтобы вы упали в озеро.

Загадывая это желание, Катрин не подумала о талисмане, иначе бы она выразилась по-другому. Но это не остановило талисман.

— Старый добрый талисман! — сказал Марк, увидев, что произошло.

Морган ле Фей не упала в озеро — она просто шлепнулась в лужу. По счастью, рядом оказалась лужа. Леди опрокинулась через хвост лошади и в сидячем положении приводнилась в лужу. По еще большему счастью, у лужи было глинистое дно, и Морган ле Фей прилипла к нему на некоторое время, впрочем, достаточное для того, чтобы Катрин успела загадать другое желание, более обдуманное, согласно которому леди надлежало не отлипать от dna лужи и не колдовать дважды столько времени, сколько требовалось. Покончив с этим, дети повернули своих лошадей к лесу и поскакали за злыми рыцарями. Морган ле Фей, сидя среди зеленой ряски, послала им вслед несколько проклятий, но четверка была уже далеко.

Никакой тропы в лесу не было. Толстые ветви деревьев свисали чуть ли не до земли, а сама земля под ними была черной, влажной, вязкой и не было слышно птичьих голосов.

— Я бы назвала это место Лесом Стоячего Болота, — сказала Катрин.

— Только не это! — воскликнула Марта. — Должен же тут быть хоть какой-нибудь ветерок.

Дети с трудом пробирались вперед. Внезапно перед ними открылась поляна и на ней, среди зарослей белены и цикуты и смертоносного паслена, воздвигся замок ведьмы. Ядовитый плющ покрывал его стены. Ров с водой кишел змеями, а башня — летучими мышами. Замок детям совершенно не понравился.

— И что нам теперь делать? — спросила Джейн.

— Естественно, загадать, чтобы Ланселот оказался на свободе, — сказал Марк.

— Просто взять и загадать желание? Это слишком уж легко, — сказала Катрин.

— В замок я не пойду, — сказала Марта.

— Плевать, — сказала Катрин, которая сегодня не казалась такой паинькой, как обычно. — Вы забыли, что я есмь всемогущая пророчица. Лучше доверьтесь моей мудрой стратегии.

— Не мели чушь! — сказал Марк. — Поменьше слов, побольше дела.

Катрин тронула талисман:

— Желаю, чтобы перед нами открылись две двери этого замка.

Так что детям оставалось лишь поискать открытую дверь. Наконец они нашли ее — маленькую дверь с черного хода, к которой был перекинут через ров маленький навесной мост. Мост был опущен и дверь была приоткрыта.

— Берегитесь! — заквакали во рву заколдованные говорящие лягушки.

Дети вошли внутрь. За дверью был длинный темный коридор.

— Берегитесь! — запищали за стенами заколдованные говорящие мыши.

Дети двинулись по коридору. Он довольно долго крутил и петлял. Заколдованные пауки, повиснув на паутине, задевали их лица, цеплялись за их одежду, не пуская дальше, но дети сбрасывали с себя этих тварей и продолжали нелегкий путь.

Наконец коридор уперся в тяжелую дверь. За ней раздавались громкие голоса — похоже, там пели. Дети чуть приоткрыли дверь и глянули в щелку.

В большой зале пировали рыцари — красный, зеленый и черный — каждую порцию еды они со смаком запивали глотком светло-коричневого эля. Кроме того, они в три глотки распевали песню, не вставая из-за стола, что было дурным тоном, слова же их песни были еще дурнее:

Нам Ланселот не сват, не брат!

Нет лучшего занятия,

Чем бить его ногою в зад

И слать ему проклятья!

В сырой темнице он сидит

И будет снова нами бит!

Трень-брень, бокалы, брень!

Дети возмущенно переглянулись, затем снова стали смотреть в щелку.

В зале появилось несколько прислужников. Они убрали пустые тарелки, поставили на стол блюдо со сладким и удалились.

На сладкое было несколько круглых сливовых пудингов, пропитанных брэнди, которое горело над ними ярко-голубым огнем. Черный рыцарь встал, чтобы раздать пудинги.

И тут Катрин вспомнила одну историю, которую когда-то прочла, и решила подшутить над тремя рыцарями.

— Желаю, чтобы два из этих пудингов повисли у тебя на носу! — воскликнула она, положив руку на талисман и посмотрев прямо на черного рыцаря сквозь дверную щелку. И так оно тут же и случилось с одним из пудингов.

Но этот пудинг, в отличие от того, о котором она когда-то читала, еще и пыпал голубым огнем бренди, — так что черный рыцарь не только был унижен, но еще и здорово обжегся. Более того — его пышные черные бакенбарды, которыми он непомерно гордился, тоже воспламенились. Он издал дикий вопль, и физиономия его потемнела от ярости, став почти такой же черной, как его наряд.

— Кто это, в бога и его присных, сыграл со мной эту подлую шутку? — возопил он, хлопая по носу и бакенбардам обеими ладонями и взвизгивая от боли, поскольку пламя обжигало ему пальцы.

— Пхи-хи-хи! — прыснул зеленый рыцарь. — Ну и видочек же у тебя!

Черный рыцарь стремительно повернулся к нему.

— Так это ты сыграл со мной подлую шутку! — воскликнул он.

— Это не я, — сказал зеленый рыцарь, — но все равно у тебя смешной видочек.

— Смешной, да? Смешной?! — заорал черный рыцарь, входя в раж. Он выхватил из ножен свой меч и снес голову зеленому рыцарю.

Красный рыцарь вскочил на ноги.

— Послушай, Олбимарль, ты немножечко переусердствовал! — воскликнул он.

— Не думаю, — сказал черный рыцарь. — Он сам во всем виноват. Иди-ка помоги мне снять с носа этот мерзкий пудинг!

— Хорошо, — сказал красный рыцарь, с некоторым сомнением глядя на него, — не знаю, получится ли, но попробую.

Он вынул меч из ножен и стал соскрабать пудинг с носа черного рыцаря. К несчастью (для себя самого), он соскреб заодно и добрый кусок рыцарского носа.

Черный рыцарь дико взревел и с мечом в руке бросился на красного рыцаря. Красный рыцарь парировал его удар. И тут же они, забыв обо всем на свете, схватились насмерть, прыгая по зале, круша мебель и рубя один другого.

Дети за дверью зажмурились, заткнули уши и задрожали от страха, прижимаясь друг к дружке.

Схватка была короткой. Два меча, два лезвия блеснули в воздухе и спустя мгновение две головы упали на пол, а вслед за ними, чуть медленнее, свалились и тела.

Наступила тишина. Катрин вовсе не хотелось, чтобы ее желание имело такой кровавый финал. Но она напомнила себе, что надо быть беспощадной, смелой и решительной и, крадучись, проникла в залу — остальные следовали за ней. Дети отвели глаза, чтобы не видеть то, что лежало на полу.

— Думаю, что все это можно было бы устроить произящнее, — сказала Джейн. — Как теперь нам пробраться в подземелье, когда под ногами все эти части тел?

— Главное, что все получилось, — сказала Катрин притворяясь более радостной, чем она была на самом деле. — Нам вовсе не обязательно идти пешком — мы можем пожелать оказаться там.

Она прикоснулась к талисману и пожелала, чтобы они оказались вдвое дальше двери в темницу, и чтобы в руке у нее было два ключа от замка.

После этого, естественно, оставалось только повернуть ключ, и к ним вышел сэр Ланселот, сопровождаемый несколькими дюжинами других рыцарей, — они тоже были пленниками злой волшебницы и ее друзей, и вид их из-за ежедневных побоев был хуже некуда.

Плененные рыцари упали на колени и стали целовать детям руки, приветствуя в их лице своих освободителей. Сэр Ланселот тоже вполне вежливо поблагодарил детей, но им почему-то показалось, что он не так рад своему освобождению, как того можно было бы ожидать.

Немного погодя, когда все остальные захваченные рыцари покинули замок, чтобы вернуться к своим прерванным героическим подвигам, дети поняли, в чем тут дело.

— Вы спасли меня с помощью волшебных средств? — спросил сэр Ланселот.

— Именно так, — гордо сказала Катрин. — Я спасла вас с помощью маленького талисмана.

— Это мне очень не нравится, — сказал сэр Ланселот. — Я хотел бы, чтоб было иначе.

— Неужели? — сказала Катрин. — Значит, вам хотелось бы остаться там и быть битым?

— Лучше уж это, — сказал сэр Ланселот, — чем уронить свою честь, воспользовавшись неправедным волшебным преимуществом над ворогом, пусть даже и смертельным.

— Ладно, если уж вы такой щепетильный, — раздраженно сказала Катрин, — я могу изъявить желание снова их собрать. И она провела его в большую залу и показала разбросанные останки трех рыцарей.

— Соберите, пожалуйста, — сказал сэр Ланселот.

— А вас снова заточить в темнице? — с сарказмом спросила Катрин. — Разве вы не оскорблены, что я вас освободила?

— Думаю, что этой услугой я могу воспользоваться, — сказал сэр Ланселот. — В любом случае, рано или поздно, какая-нибудь прекрасная дочь тюремщика выпустила бы меня.

— Ой ли? — сказала Катрин. — Тогда простите за беспокойство. Еще будут какие-нибудь просьбы?

— О да, — сказал сэр Ланселот. — Не могли бы вы вернуть мне и доспехи, которые отняли у меня эти подлые трусы.

Теперь уже окончательно рассердившись на него, Катрин пожелала, чтобы он снова заполучил свои доспехи и меч; затем, тщательно подсчитав части тел, она пожелала, чтобы красный рыцарь и зеленый рыцарь, и черный рыцарь снова ожили.

Это было очень интересное зрелище, когда различные части различных по цвету рыцарей заново собирались на полу залы, и было жаль, что сборка быстро закончилась.

Но затем началось нечто еще более интересное. Потому что далее сэр Ланселот сражался один против трех рыцарей, и это было зрелище, ради которого стоило вернуться на много веков назад.

Однако сэр Ланселот, кажется, не оценил интерес четверых детей.

— Уходите. Большая вам моя благодарность. Прощайте! — обращался он к ним, припирая столом к стене зеленого рыцаря и загоняя мечом в угол красного и черного рыцарей.

— Наша помощь не нужна? — осведомился Марк.

— Нет. Уходите! — сказал сэр Ланселот, колотя по макушке красного рыцаря, молотя левой в грудь черного рыцаря и прыгая на стол, чтобы достать зеленого.

— Можно нам хоть посмотреть? — взмолилась Джейн.

— Нельзя. Это действует мне на нервы. Не хочу свидетелей, — сказал сэр Ланселот, ныряя под стол, чтобы красный рыцарь, кувырнулся, промахнувшись, и снова поворачиваясь лицом к черному и зеленому.

Катрин вздохнула и загадала желание.

И в следующий миг дети снова оказались на лошадях — они скакали по Королевской дороге.

— Мы могли бы хотя бы подождать во дворе, — проныла Марта. — Теперь мы никогда не узнаем, чем там кончилось.

— Он-то победит, можешь не сомневаться! — сказала Катрин. Как меня тошнит от тех, кто вечно прав, всегда и во всем. Думаю, в любом случае мы его еще увидим на турнире.

— Ух ты! Ну, конечно, турнир! Как это я забыл, — сказал Марк. — Когда же он начнется, по-твоему?

— Не раньше, чем через несколько недель, — сказала Катрин. — Но раз мы здесь, стоит просто попросить талисман...

И она просто попросила.

— Никак не могу привыкнуть к этим прыжкам туда-сюда, — мгновение спустя пожаловалась Марта, обнаружив, что она теперь в каком-то новом месте, уже в третий раз за последние три минуты. — Где мы теперь и в каком времени?

— Думаю, что в Камелоте, — сказала Катрин. — На турнире. Смотрите!

Джейн, Марк, и Марта стали смотреть. Сам Камелот и поле для турнира выглядели точь-в-точь как они были описаны в "Короле Артуре для мальчиков" и в замечательных книгах мистера Т.Х. Уайта*. Трубы играли сигнал к бою, в голубом воздухе разевались вымпелы, в ярком свете сверкали доспехи, и сотни мужественных рыцарей, и верных сквайров, и преданных пажей, и прекрасных дам, и скромных слуг толпились на трибунах, чтобы посмотреть рыцарские игры.

Четверка детей занимала лучшие места в переднем ряду на виду у всех, потому что так загадала Катрин в своем желании. Однако в этом желании она не упомянула, что лошади им больше не нужны, и те поначалу весьма докучали зрителям, поскольку тоже пытались занять первые места, вызывая ропот сидевших сзади. Но Катрин пожелала, чтобы они дважды убрались куда-нибудь подальше, и лошади исчезли.

При этом зрители, сидевшие сзади, повскакали со своих мест и разбежались, оглядываясь на четверых детей и бормоча что-то про злые чары и колдовство.

Дети почти не обратили на это внимания. Они были слишком заняты тем, что вертелись во все стороны и упивались зрелищем.

В конце поля на троне, поставленном на высокий помост, сидел Король Артур. Дети ясно видели короля — его доброе, открытое, всепонимающее лицо, словно это теплое солнышко вышло, дабы осветить веселую Англию. Справа от него сидела королева Гвиневера, а слева — волшебник Мерлин, тонкий и мудрый, с седой бородой.

И вот фанфары пропели последний длинный сигнал и турнир начался.

Сэр Ланселот был среди первых рыцарей, выехавших на поле. Дети узнали его по доспехам.

— Я же говорила, что с ним будет все в порядке, — сказала Катрин не без некоторого сожаления.

Но когда сэр Ланселот начал поединок, даже Катрин вынуждена была восхититься им.

Он поверг наземь пятерых рыцарей первым же ударом своего копья, четырех рыцарей — вторым ударом, а еще трех сбросил с коней ударом меча, так что люди, сидящие вокруг на скамьях, разразились громкими возгласами: "Ну и ну! Это же надо, какие подвиги совершает на поле сей рыцарь!"

Джейн вздохнула от полноты чувств.

— Просто чудо какое-то, правда же? — пробормотала она.

— Это самое удивительное время в истории человечества, — торжественно сказал Марк. — Жаль, что оно кончилось.

— А почему оно кончилось? — спросила Марта, которая еще не читала "Короля Артура для мальчиков".

— Частично потому, что прочим рыцарям надоело, что их все время одолевают, а Ланселот всегда побеждает, — сказал ей Марк.

* Английский писатель Теренс Хэнбери Уайт (1906-1964), автор тетралогии "Король былого и грядущего".

— Мда... — сказала Катрин и голос ее прозвучал довольно странно, — вот бы действительно был подвиг, если бы кто-нибудь для разнообразия одолел Ланселота.

Марк быстро глянул на нее, но в этот момент сэр Ланселот принялся валить других рыцарей, и он стал смотреть на поле. Когда он снова оглянулся, Катрин рядом не было.

Марк сильно толкнул локтем Джейн, поскольку ему в голову пришла ужасная мысль.

Джейн обернулась и увидела, что место Катрин пусто, и Марк мог бы сказать, что подобная же мысль возникла и у старшей сестры.

И в этот момент в ходе турнира произошла заминка. На ристалище выехал на коне незнакомый рыцарь и направился прямо к помосту Короля Артура.

— Я убедительно прошу Ваше Величество позволить мне вызвать на поединок сэра Ланселота! — крикнул незнакомый рыцарь достаточно громко для того, чтобы его ясно услышала со своих мест тройка детей.

Сердце и у Джейн, и у Марка упало.

Даже Марта догадалась теперь об этой беспощадной реальности и прошептала:

— Да как она смела?

— Не знаю, — сказал Марк. — С самого начала нашего последнего желания она слишком много взяла на себя.

— Дайте только мне вернуть ее домой! — мрачно сказала Джейн.

— Как тебя зовут, незнакомец? — спрашивал тем временем Король Артур. — И откуда ты родом?

— Зовут меня сэр Кат, — ответил незнакомый рыцарь, — родом я из Толедо, штат Огайо.

— Не знаю такого Толедо, — сказал Король Артур. — Но, ежели хочешь, сражайся. Начинайте поединок!

Фанфары пропели еще один сигнал к бою, незнакомый рыцарь повернулся к сэру Ланселоту и начался, мягко говоря, самый странный поединок, каких еще не доводилось видеть рыцарям Круглого, или какого другого, Стола.

Бессстрашная Катрин сочла себя в этот момент умнее всех. Ведь она загадала, чтобы у нее было два комплекта доспехов, две верховых лошади и чтобы она была в два с половиной раза выше и сильнее сэра Ланселота и дважды победила его. И она немедля оказалась в одном комплекте доспехов, верхом на одной лошади, и была на раз с четвертью выше и сильнее, и ей не терпелось победить его в одном поединке.

Но, несмотря на весь свой ум, она совсем забыла про одну вещь. Она забыла про то, что надоено знать правила поединка. И вот она оказалась лицом к лицу с величайшим рыцарем всех времен и не знала, с чего начать. Она знала, что в конце концов победит, потому что так загадала, но только что ей делать в начале и в середине поединка?

Но не успела она учесть все это в новом желании, как сэр Ланселот подскакал к ней, ударил ее своим копьем и опрокинул прямо на хвост лошади. Затем он подскакал с другой стороны и ударом бросил ее вперед на лошадиную шею.

Толпа взревела от хохота.

Можно легко себе представить, что чувствовали в этот момент Джейн, Марк и Марта.

Что же касается чувств Катрин, то они не знали границ. Она сжимала в потной ладони волшебный талисман, и теперь ей было не до арифметических правил.

— Желаю, чтобы я сражался в десять раз лучше тебя, громила! Понял?! — таковы были слова, которые произнес на поле браны доблестный сэр Кат. Это был голос настоящей страсти.

И тут же она получила возможность сражаться в пять раз лучше, чем сэр Ланселот, а ведь все знают, насколько он был хорош.

Чтобы поверить тому, что затем произошло, надо было видеть это собственными глазами.

Как стая волков на стадо овец налетела Катрин на рыцаря. Казалось, что она набрасывается на него сразу со всех сторон. Ее меч сверкал, как настоящая молния. Ее копье обрушивалось то оттуда, то отсюда, как бешеная змея.

— Черт подери! — кричали зрители. — Бог ты мой! Вот это да!

Джейн и Марк, и Марта, крепко держась за руки, следили за схваткой.

Если бы сэр Ланселот не был величайшим на свете рыцарем, можно было бы подумать, что его и вовсе не существовало, и больше не рассказывать о нем небылиц.

Но пусть даже на самом деле он и существовал, развязка наступила быстро. В мгновение ока, или даже еще раньше, он был выбит из седла, рухнул наземь и больше не поднялся.

Катрин поскакала вдоль поля, делая круг за кругом и грациозно кланяясь в ответ на аплодисменты толпы.

Но вскоре она заметила, что аплодировали ей не очень-то громко. Только такие вероломные рыцари, как сэр Мордред и сэр Аgravейн, завидовавшие Ланселоту, — только они и аплодировали от всей души.

Остальная публика была непонятно тиха. Потому что их Ланселот, цвет рыцарства, любимец людских сердец, самый великий из рыцарей Круглого Стола, потерпел поражение.

Королева Гвиневера была разгневана. Король Артур был опечален. Сопровождающие его рыцари, за исключением самых вероломных, выглядели абсолютно потерянными. У Мерлина был такой вид, будто он не верит глазам своим.

Джейн и Марк, и Марта выглядели так, будто они-то верят, но верить не хотят.

И только теперь Катрин наконец полностью осознала, что она натворила.

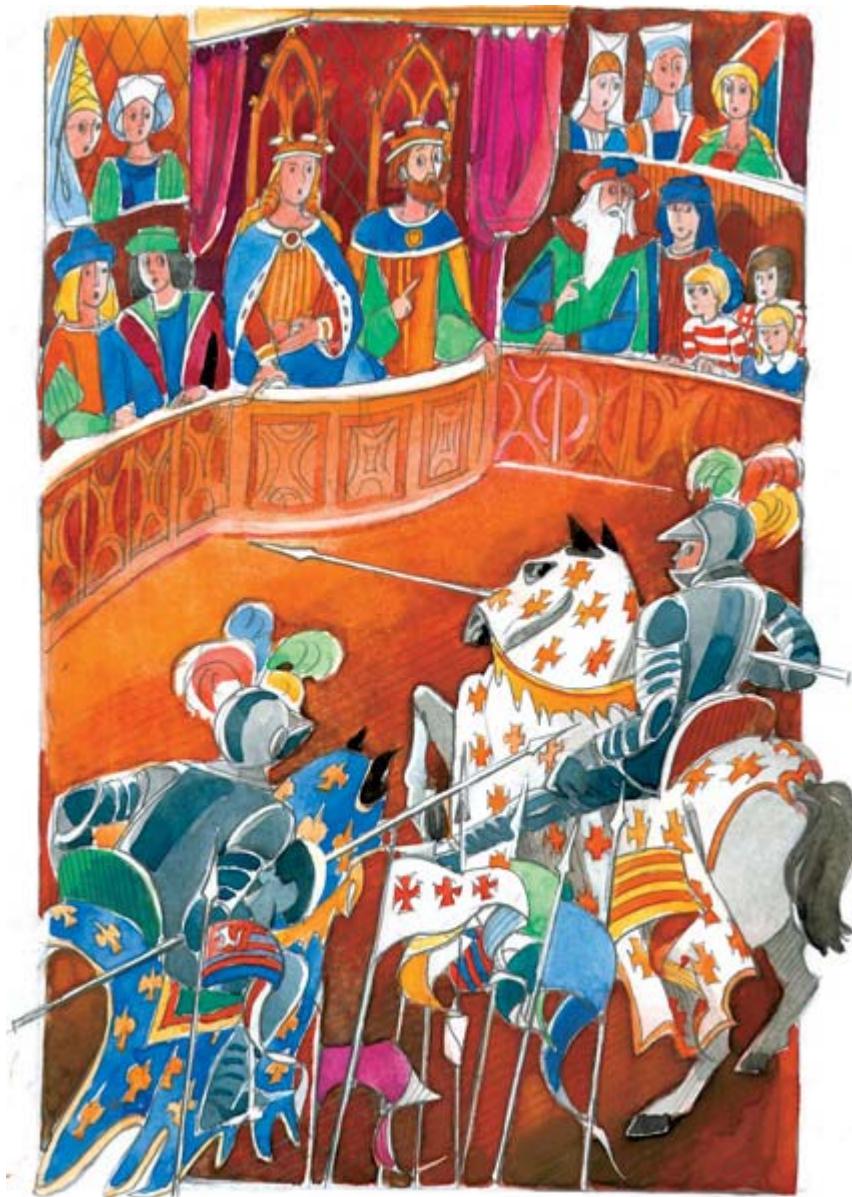
Она победила и она проиграла. Она, обыкновенная девочка, нанесла поражение величайшему рыцарю всех времен и народов. Однако она пыталась оправдаться перед самой собой тем, что якобы поступила так ради доброго дела, — это случилось не потому, что ее рассердил Ланселот, недостаточно оценивший ее помочь там, в замке Морган ле Фей.

Щеки ее вспыхнули, и она почувствовала себя глубоко несчастной. Ей вдруг стало жарко в шлеме и она стащила его с головы. И тут она запоздало вспомнила, что, загадывая желание, она о чем-то совершенно забыла. Она ведь загадала быть в доспехах и верхом на коне, быть высокой и сильной и победить. Но она забыла сказать что-нибудь о том, чтобы больше не быть Катрин.

Теперь же, когда шлем был снят, ее длинные каштановые волосы упали ей на плечи, и потрясенной толпе открылось маленькое лицико девятилетней девочки.

Ее хорошо разглядели сидевшие ближе всех к ристалищу. Сэр Мордред захихикал. Сэр Аgravейн захмыкался. Те из недостойных рыцарей, что были завистниками сэра Ланселота, принялись смеяться, то и дело выкрикивая жестокие слова: "Его девчонка победила!"

Какой-то отвратительный карлик-горбун подхватил этот выкрик и сложил из него мерзкий стишок:

Наш Ланселот — большой чудила,

Его девчонка победила!

Сэр Ланселот пришел в себя и сел. Он услышал смех. Он услышал стишок. Он посмотрел на Катрин. Катрин отвернулась, но он успел узнать ее. Он встал на ноги. Над всем полем воцарилась тишина — даже недостойные рыцари, и те перестали смеяться.

Сэр Ланселот подошел к Катрин.

— Зачем ты так со мной поступила? — сказал он.

— Я не хотела, — сказала Катрин. Она заплакала.

С горящим лицом, но с высоко поднятой головой, сэр Ланселот подошел к помосту Короля Артура и опустился перед ним на колени. Тихим голосом он попросил, чтобы его отпустили в дальнее странствие, по крайней мере, на целый год, дабы он искупил бы свой позор сотней

подвигов и вернул бы свою утраченную честь и навсегда бы стер из людской памяти эти ужасные слова "его девчонка победила".

Король Артур так и не решился заговорить — он лишь сочувственно кивнул.

А королева Гвиневера даже не взглянула на сэра Ланселота, когда он покидал ристалище.

Катрин продолжала плакать.

Мерлин шепнул что-то на ухо Королю Артуру. Король Артур кивнул. Он встал, подал руку Гвиневере и помог ей сойти с помоста. Мерлин промолвил еще одно слово, на сей раз — свите рыцарей. Те принялись очищать поле от зрителей.

Зрители в подавляющем своем большинстве молча повиновались, однако трое детей, занимавших лучшие места, подняли шум, утверждая, что им нужно найти свою сестру Катрин, которая совершила нечто ужасное, но сестра есть сестра и они все равно без нее никуда. Однако рыцари заставили их покинуть поле вместе со всеми остальными.

Катрин казалось, что прошел по крайней мере год, прежде чем она обнаружила, что стоит перед Мерлином. Она все еще плакала.

Мерлин сурово посмотрел на нее.

— Тыфу на твой плач, — сказал он. — Мне хорошо знамо, что ты еси лживолшебница, которая явилась сюда под этой личиной, дабы одолеть нашего богатыря и опозорить наш Круглый Стол.

— Нет! — сказала Катрин. — Я не то и не другое!

— Нет то! — сказал Мерлин. — Вне всяких сомнений. Отныне имя наше в Камелоте втоптано в грязь.

— А-а-а, — всхлипывала Катрин.

— Замолчи, ведьма, — сказал Мерлин. Он махнул на нее своей волшебной палочкой:

— Повелеваю явиться тебе передо мной в естественном своем обличии!

И тут же Катрин из высокой и сильной, и в доспехах превратилась в саму себя, в просто Катрин.

На лице Мерлина выразилось удивление.

— Эти злые духи из молодых, да ранние, — сказал он. — Однако, ты наверняка всего лишь орудие в руках более могучей нечисти. — И он снова взмахнул волшебной палочкой. — Повелеваю, чтобы твои пособники, соучастники, помощники, сообщники и сподвижники явились бы на сем месте подле тебя!

И возле Катрин появились Джейн, Марк и Марта, и вид у них был такой же несчастный и неприкаянный, как у нее самой.

Мерлин же, похоже, и в самом деле немного испугался. Затем он печально покачал головой:

— Такие юные, — сказал он, — а уже такие испорченные.

— Мы не испорченные! — сказала Марта, делая сердитое лицо.

Остальные вели себя более сдержанно.

— Понимаете, сэр... — начал Марк.

— Мы этого не хотели, — начала Джейн.

— Дайте мне, — сказала Катрин, — это я все затеяла.

И, мешая слова со слезами, она сбивчиво рассказала Мерлину все-все, начиная с талисмана и намерения отправиться в прошлое и кончая тем, что именно ей хотелось совершить, и что она на самом деле совершила, и где она ошиблась.

— Я хотела совершить добрые дела, — сказала она, — и одно я совершила, когда вызволила Ланселота из той несчастной темницы. Но он не сказал мне ни слова в благодарность и заставил все переделать, чтобы он сам себя вызволил, как то велит ему его несчастная честь. И я разозлилась. И решила победить его, чтобы другие рыцари больше ему не завидовали, но я просто хотела насолить ему, за то что он такой воображала. И мне всегда так хотелось посражаться на настоящем турнире!

— Вот и посражалась, — сказал Мерлин. — И какое же доброе дело из этого получилось? Просто сделала всех абсолютно несчастными.

— Я понимаю, — сказала Катрин.

— Вот что бывает, когда вмешиваешься не в свои дела, — сказал Мерлин. — У истории есть свои законы, и если попытаться их нарушить, могут произойти большие неприятности.

Катрин повесила голову.

— Однако, — продолжал Мерлин и, к удивлению детей, теперь он улыбался, — еще не все потеряно. Я, да будет вам известно, тоже умею делать кое-какие волшебные вещи. Посмотрим, получится ли у меня. Надеюсь, что я смогу обратить время вперед и сделать так, чтобы сегодняшнего дня как будто бы и не было вовсе. Правда, на это у меня уйдет слишком много сил.

— В самом деле? — удивилась Катрин. — А нам это ровно ничего не стоит!

Мерлин глянул на нее и слегка помрачнел.

— Ровно ничего, да? — сказал он.

— Абсолютно, — счастливо продолжала Катрин. — Я могла бы пожелать, чтобы Ланселот снова дважды оказался здесь, а потом могла бы пожелать, чтобы он дважды меня победил, а потом могла бы пожелать, чтобы зрители дважды оказали ему честь, а потом я могла бы...

— Постой! — в тревоге воскликнул Мерлин. — Погоди со своими желаниями, а то как бы нам не стало еще хуже. Дай-ка мне лучше посмотреть на этот твой удивительный талисман. — И он провел перед Катрин своей волшебной палочкой. — Если у тебя есть какое-либо волшебство, пусть оно проявится, или же пусть навеки почнет с миром.

Потная ладошка Катрин, так долго сжимавшая талисман, сама собой раскрылась — на ней лежал талисман.

Мерлин посмотрел на него. Глаза его округлились. Он порывисто снял свой высокий клубок и трижды низко поклонился талисману. Затем обернулся к детям.

— Это очень древний талисман с могучим волшебным даром, — сказал он. — Древней и могущественней моего волшебства. Он действительно слишком уж могучий и опасный, чтобы оставаться у детей, неважно, какие у них намерения. Боюсь, что вынужден вас попросить отказаться от него.

Он еще раз взмахнул своей палочкой. И талисман с ладонки Катрин плавно переплыл в его собственную ладонь.

Тут заговорил Марк.

— Но талисман нам достался в нашем собственном времени, — сказал он, — а оно тоже часть истории, так же, как и ваше время. Может, мы были обязаны его найти. Может, предполагалось, что с его помощью мы совершим какие-то добрые дела. У истории свои законы и, если попытаться их нарушить, могут произойти большие неприятности.

Мерлин посмотрел на него.

— Ты мудрый ребенок, — сказал он.

— Так, серединка на половинку, — скромно сказал Марк.

— Бог ты мой! — сказал Мерлин. — Ежели все дети из того вашего отдаленного будущего столь же разумны, сколь и ты... Постой, постой, так из какого, говорите, века вы явились?

— Мы этого не говорили, — сказал Марк. — Но мы из двадцатого.

— Двадцатый век, — задумчиво сказал Мерлин. — Какое, должно быть, это счастливое время — воистину Золотой век, который, как было сказано, должен прийти.

Он постоял, о чем-то размышляя, затем улыбнулся:

— Хорошо. Возвращайтесь в свой двадцатый век и возьмите с собой талисман и делайте с его помощью лучшее, на что вы только способны. Но сначала я должен кое-что сказать.

Он держал талисман на вытянутой руке, как будто побаивался, что тот его может укусить, и относился к нему с величайшим почтением.

— Я желаю, — сказал он, — чтобы через шесть минут стало бы так, как если бы эти дети никогда не появлялись здесь. За исключением того, что и я, и они будем обо всем помнить. Далее я желаю, чтобы наш турнир начался бы снова и продолжался бы столько, сколько ему и предписано историей. Только вдвое по столько, — добавил он на всякий случай.

— А теперь я могу взять назад талисман, — спросила Катрин, — пожалуйста?

— Через минуту, — сказал Мерлин. — Между прочим, не много ли уже вы назагадывали желаний? Похоже, что он уже довольно поистерся. Знайте, что он ведь не вечен.

— Господи, этого-то мы и боялись, — сказала Джейн. — На сколько у нас еще осталось?

— Поживете — узнаете, — сказал Мерлин. — Но лучше его не очень тратить. Не то, вопреки вашим ожиданиям, может оказаться слишком поздно.

— Ой! — воскликнула Марта. — Что если мы больше не вернемся домой!

— Не волнуйтесь, — улыбнулся ей Мерлин. — Для вас еще осталось несколько желаний. И еще одно — для меня. — И он снова вытянул перед собой руку с талисманом.

— Трижды желаю, — сказал он, — чтобы впредь защитить мир от ужасно добрых намерений этих детей и для собственной их защиты от их собственной глупости, чтобы данный талисман на дважды то время, пока он будет в их руках, не выполнял бы тех пожеланий, которые выходят за рамки их века и их страны, но чтобы он выполнял любые их прихоти, если только это касается времени и места, в котором дети живут. — Он опустил талисман в руку Катрин. — А теперь вам пора уходить. Потому что, согласно моему желанию, меньше чем через минуту станет так, как будто вы никогда здесь и не появлялись. И если к этому моменту вас не будет дома, тогда одни силы небесные смогут ответить, где вы окажетесь!

— Но как же с добрыми делами, которые я загадывала? — спросила Катрин. — Ни одно из тех, что я пробовала, не получилось.

— Дитя мое, — сказал Мерлин, и лицо его осветила улыбка, — ты уже совершила свое добре^е дело. Ты известила меня, что в далеком двадцатом веке память об Артуре и Круглом Столе, который я помогал ему создавать, еще жива. И что в вашу отдаленную от нас эпоху людям еще настолько важен идеал, которому я положил начало, что они готовы вернуться назад сквозь пространство и время, дабы попытаться послужить ему. Ты известила меня об этом, и теперь я со спокойной совестью могу завершить свой труд, зная, что я сделал это хорошо. И если это не есть твое добре^е дело, то тогда, интересно знать, каково же оно? А теперь прощайте. Скорей загадывай желание. У вас осталось ровно семнадцать секунд.

И Катрин загадала желание.

И поскольку мама и мисс Бик вчера беспокоились, что они долго пропадают неизвестно где, она загадала, чтобы к их возвращению домой там прошло бы не больше двух минуток, как они исчезли.

Это и в самом деле было довольно мудрым решением со стороны Катрин. Видимо, она, как вчера Марк, кое-чему научилась в день своих приключений.

В следующий момент дети обнаружили, что сидят в комнате Катрин и Марты, и что на дворе то же самое утро, и что они выходили всего лишь на минутку. Однако эта минутка была полна воспоминаний.

— А нам это не приснилось? — спросила Катрин.

— Не думаю, — сказал Марк, — иначе мы бы не помнили об этом все вместе.

— А разве мы все помним? — спросила Джейн.

Помнили все.

— А что означает то последнее желание, которое Мерлин загадал на талисмане? — поинтересовалась Марта.

— Оно означает, что теперь наши желания будут исполняться неподалеку от нашего дома, — сказал ей Марк.

— Больше никаких тебе путешествий в незнакомых краях, — сказала Джейн, — а мне так хотелось, чтобы в следующий раз мы попали на пиратский корабль!

— Больше никаких тебе древних времен, — сказал Марк, — а мне так хотелось посмотреть Троянскую войну!

— Может, вам бы и не понравилось, окажись вы там, — сказала Катрин, умудренная горьким опытом. — Путешествовать в прошлом — дело тяжкое.

— А мне-так все равно, — сказала Марта. — Мне все равно, даже если я вовсе не буду путешествовать. Мне и дома хорошо. А вам разве нет?

Им всем было хорошо дома.

V

Что произошло с Мартой

Между прочим, все четверо были так рады возвращению домой, что до конца дня больше никуда не выходили.

Та утренняя минута была настолько переполнена приключениями, что на какое-то время дети поостыли ко всему новому и неизвестному.

Они убрали талисман подальше — в безопасное место под половицей, и то утро, равно как и день, прошли для них в самых обычных играх, включая простые и малышовские, в какие даже Марта редко играла, ну, например — в "Замри!" или в "Старую ведьму".

Вечером, за ужином, когда мама поинтересовалась, что они делали весь день, они ответили: "А, ничего", — и казалось, что им гораздо интересней поговорить о ее делах на службе.

После ужина у них не было никаких секретных совещаний. Вместо этого дети уговорили маму сыграть с ними в Пачиси*.

А когда она вскоре устала от Пачиси, что характерно для всех мам, и предложила им взамен почтить на сон грядущий "Янки из штата Коннектикут при Дворе Короля Артура"**, Катрин спешно сказала, что она бы лучше послушала добрую, солидную и абсолютно нормальную книгу типа "Пять маленьких перцев и как они выросли".

Все это было абсолютно не похоже на четверых детей.

Когда они наконец улеглись, мама прошла по их комнатам и потрогала у каждого лоб и уши. Но никакого жара у них не было.

* Азартная индийская игра с помощью раковин каури, заменяющих кости.
** Роман американского писателя Марка Твена (1835-1910).

А дело было в том, что приключение с сэром Ланселотом затронуло моральную сторону их жизни.

Если что-нибудь когда-нибудь затрагивало моральную сторону вашей жизни, то вы знаете, что ничего приятного в этом нет. Вы, конечно, благодарны, что вас поставили на место, вы, конечно, запомните урок и в следующий раз будете вести себя иначе, но вот сейчас лучше об этом поскорей забыть.

И, как выразился на следующее утро Марк, это еще вопрос дискуссионный — что делать дальше с талисманом. Даже намерение творить с его помощью добрые дела не гарантировало от неожиданных переплетов, в которые дети то и дело попадали.

— Конечно, теперь-то он должен действовать только в наши дни и в нашей стране, — сказал Марк, — но тем не менее... Что если в следующий раз мы вмешаемся в дела Президента или Конгресса, как это получилось с Королем Артуром? Мы ведь можем создать в стране чрезвычайное положение!

— Это понятно! — сказала Джейн. — Мы должны действовать с исключительной осторожностью. Я думала об этом всю ночь и готова с полной ответственностью загадать следующее свое желание. И я решила, что больше всего на свете я хочу двух вещей — чтоб больше не было войн и чтобы я все знала!

Катрин в сомнении покачала головой.

— Это слишком уж серьезно. Это все равно что вмешиваться в дела Господни. Может, это еще хуже, чем попытаться изменить историю.

— А интересно, есть ли что-нибудь одновременно и занятное, и серьезное? — спросила Марта.

Похоже, что ничего такого вроде бы и не было.

И столкнувшись с такой вот проблемой, и в ужасе думая о том, что с каждым их новым желанием талисман убывает, и недалек тот день, когда он больше не отзовется на их просьбу, дети решили отложить все до завтра, а там они попробуют договориться о каком-нибудь серьезном желании.

Может, завтра Джейн осенит вдохновение. Ведь была ее очередь загадывать.

Между тем, сегодня они прекрасно могут провести время и на старый добрый лад, как когда талисман еще не лег поперек их пути, — это будет такое сегодня, от которого они получат все сполна. Они сложат вместе все свои капиталы, поедут на автобусе в город и проведут там весь день — перекусят и посмотрят кино.

Позвонить маме и уговорить ее, чтобы мисс Бик отпустила их, было лишь делом пятиминутного подхалимства.

Мисс Бик, как всегда, высказалась по поводу своих дурных предчувствий, но дети и слушать ее не стали и собрались в комнате Катрин и Марты.

— Мы берем его с собой или оставляем? — вот что хотелось знать Катрин.

Никому не надо было объяснять, что подразумевалось под словом "его".

— Если оставим, то мисс Бик наверняка его найдет, — заметил Марк, — как бы хорошо мы его ни припрятали.

— А если она загадает желание и получит половину его! — воскликнула Марта. — Только представьте себе, что из этого может получиться?!

— Я лично не могу представить, — сказала Джейн. — "В иные пропасти нам лучше не глядеть".

Так что Джейн достала талисман, завернула его в специальную оберточную бумагу, оставшуюся от рождественских подарков, и положила в свою сумочку. Все завязали по узелку на мизинце, дабы это напоминало им, что они не должны загадывать никаких желаний, что бы там ни случилось. Затем они вышли на улицу и постояли на углу, где они частенько коротали летнее время, бросая арбузные корки на пути грузовиков и ожидая, пока их расплющит.

Поездка на автобусе в город прошла без приключений, если не считать, что они, как обычно, попрепирались с теми, кто возражал против открытых окон.

В центре дети немного поглазели на витрины магазинов, а затем зашли в одно чудесное местечко, где все было по низким ценам. Они купили и тут же съели несколько сливочных батончиков, послушали, как юная леди сыграла на пианино "Я хочу танцевать фокстрот Шимми, как моя сестренка Кейт"^{*}, а также купили и съели несколько кулечков с воздушной кукурузой.

Затем пришло время ланча.

На ланч дети всегда отправлялись к лучшему в городе киоску с разными вкусностями. Сегодня Джейн заказала банановый "сплит"^{**} с шоколадным мороженым и малиновым джемом, а Катрин вкушала пломбир "Лунный луч", густо политый ананасовым сиропом, с шербетом трех сортов. Марта всегда заказывала одно и то же — газировку на свое усмотрение и зефир с ванильным мороженым, от которого всех остальных тошило.

В меню здесь было два десертных блюда, которые уже несколько лет интриговали Марка. Одно называлось "Сельдерейное", а другое — "Солодовая сила", и Марку страсть как хотелось выяснить, каковы они на вкус. Каждый раз он говорил себе, что в следующий раз обязательно их закажет, но в следующий раз мужество непременно изменяло ему. Вот и сегодня он подумал о них разок, подумал другой и в результате заказал себе двойную порцию горячего "фаджа"^{***} из шоколада с орехами.

После ланча наступило время решать, какое кино они посмотрят.

Для этого дети сначала обошли все кинотеатры и изучили все вывешенные на них рекламные плакаты. Потом пришло время споров. Марк любил вестерны и разные там захватывающие побеги, но Марта, например, и на порог кинотеатра не ступала, если там показывали какие-нибудь драки.

Джейн и Катрин обожали всяких там длинноволосых большеглазых леди с трагическими историями. Они, например, хотели посмотреть фильм под названием "Барбара Ля Мэр в Сандре". В конце концов Марк им уступил, потому что на стенах этого кинотеатра висело много реклами, изображающих человека с усами, а это означало, что он негодяй, а это в свою очередь означало, что рано или поздно кто-нибудь обязательно стыкнется с ним. Марта тоже уступила, потому что во всех остальных кинотеатрах шли или фильмы с разными там драками, или же с Чарли Чаплиным.

Все четверо не выносили Чарли Чаплина, потому что это было единственное, на что их когда-либо водили взрослые.

Когда они вошли в кинотеатр, "Барбара Ля Мэр в Сандре" уже докрутилась до середины и дети никак не могли сообразить, что же там происходит. **** Впрочем, как и остальные зрители.

^{*} Американский фокстрот "шимми" танцуют, потряхивая бедрами и плечами.

^{**} Сладкое блюдо из фруктов, мороженого, орехов.

^{***} Сладкое блюдо, мало чем отличающееся от "сплита".

^{****} Во многие кинотеатры Запада можно входить в любое время, независимо от начала сеанса.

— Но, Джордж, мне кажется, что я ничего не схватываю, — твердила сзади своему мужу какая-то женщина.

Четверо детей тоже не могли ничего схватить, но у Барбары Ля Марр были пышные волосы и большие-пребольшие глаза, и когда сильные мужчины хотели поцеловать ее, а она отталкивала их и бровями изображала страдание, поворачиваясь лицом к зрителям, Джейн и Катрин находили, что это потрясающее и, вероятно, очень похоже на настоящую жизнь, если ты и сам взрослый.

Марк не обращал особого внимания на этот любовный вздор, но он следил за тем, как негодяй становится все негодней, а главный герой все героичней, и терпеливо ждал, когда же они наконец подерутся между собой.

Марта же картину возненавидела.

С Мартой вечно такая история. Ей всегда больше всех хотелось в кино, но едва кино начиналось, как она его уже ненавидела. Вот и теперь она приставала к остальным, чтобы они читали ей надписи и объясняли, что происходит (потому что в их времена кино было еще немым). А когда от нее отмахивались, она начинала гундеть.

— Тише, — говорила Джейн.

— Хочу домой, — говорила Марта.

— Нельзя! — говорила Джейн.

— Тс...тс! — шикали на них прочие зрители.

— А я все равно хочу, — говорила Марта.

В конце концов Джейн пришлось затолкать ее под сиденье. Так обычно и случалось к финалу.

— Выпустите меня! — кряхтела Марта, пытаясь вылезти.

Но Джейн наваливалась на сиденье — и Марта снова растягивалась на полу.

Внизу было темно и мрачно, и не на что было смотреть, кроме как на пыль и старую жвачку, оставленную предыдущими зрителями. Марта собралась заплакать, но это она уже пробовала в прошлый раз, и Джейн пнула ее. И она решила, что тут, пожалуй, можно поспать.

Тем временем наверху на экране главный герой стал наконец драться с негодяем, и Джейн, Марк и Катрин пришли в такое возбуждение, что напрочь забыли о Марте. Джейн забыла также и о своей сумочке и та соскользнула с ее колен и упала на пол.

Бедная Марта, поблагодарив судьбу за этот маленький дар, взяла сумочку и положила себе под голову, хотя для подушки сумочка была довольно комковатой.

Надеюсь, нет нужды напоминать вам о том, что было в сумочке.

Джейн вдруг вспомнила о сумочке и в панике стала ее искать. На коленях ее не было, и Джейн наклонилась, чтобы посмотреть на полу. В этот момент она услышала сонный голос Марты:

— Ох-хо-хо, не хочу быть здесь.

"Проклятье! — выругалась про себя Джейн. — Еще одно желание истрачено. Теперь, Марта, наверно, только наполовину останется здесь".

Но когда эта мысль дошла до сознания, кровь в Джейн застыла. Она боялась заглянуть вниз. Что же она может там увидеть — одну лишь голову с плечами, отдельно от остальной части тела, или же, что страшнее, — лишь пару ног, бегающих туда-сюда.

Наконец, пересилив себя, она глянула под сиденье.

Талисман поступил абсолютно иначе. Если уж быть точным, то Марта была здесь лишь наполовину, и все же она была целиком! У нее были вполне четкие очертания, но что касается конкретно лица и прочих подробностей ее внешнего вида, то все это было туманным и полупрозрачным. Как будто на Джейн уставился в упор призрак Марты.

Та пристально взглянула на Джейн и прочла ужас на ее лице; затем глянула на себя. И тут Марта, или та ее половина, что была здесь, полностью потеряла голову. С громким воплем она вскочила на ноги, прорвалась мимо сидевших зрителей и бросилась вон по проходу.

Согласитесь, что не так уж часто во время демонстрации фильма с пола вдруг вскакивает воящий призрак и лезет вдоль ряда мимо вас.

Почти все дамы, мимо которых пролезала Марта, попадали в обморок.

Женщина, которая до того ничего не схватывала, взвизгнула и схватилась за мужа.

— Ух! — воскликнула Джейн, в ярости поднимая свою сумочку. — Больше не желаю даже слышать об этом талисмане!

И тут же получилось, что она лишь полуслышала о нем. Как будто что-то такое где-то прочла, но полузабыла. Так что, естественно, ей не пришло в голову, как надо использовать талисман, чтобы вернуть Марту в нормальное состояние. Вместо этого она просто помчалась за ней по проходу. Марк и Катрин пустились следом.

Билетер, бежавший навстречу выяснить, из-за чего весь сыр-бор, столкнулся с детьми. Он увидел сумочку, услышал женский визг и решил, что Джейн украла у кого-то сумочку. Это обстоятельство немного подзадержало детей, но обошлось без серьезных травм. Если не считать пустяковой царапины, которую получил билетер.

Тем временем призрачная Марта добежала до конца прохода. В темноте кинозала ее мало кто заметил, однако в ярко освещенном вестибюле началась новая история. Контролерша взвизгнула и выронила билеты. Из кабинета выбежал директор. Он увидел Марту и побледнел.

— О, что же теперь делать?! — закричал он, рвя на себе волосы. — Стоит только немножко поправить дела, как в кинотеатре заводятся призраки! — И он прицелился в нее коробкой с дневной выручкой. — А ну проваливай, дрянь эдакая! Иди туда, откуда пришла!

Злополучная Марта ойкнула, пронеслась через вестибюль и выскочила на улицу.

Появление на тротуаре ее призрачной фигурки вызвало оцепенение в толпе горожан, вышедших за покупками.

— Это какой-то рекламный трюк! — сказала одна дородная женщина. — То, что им не продать в магазине, они передают уличным торговцам.

— Это знамение свыше! — сказала одна тощая женщина. — Это означает конец мира и мой собственный конец в этом старом платье!

— Пусть оно убирается! — простонал хорошо одетый господин. — Я верну все, что украл, все, до последнего цента, лишь бы ничего такого больше не было.

— Какое безобразие! — проворчал один старикан. — Я буду жаловаться своему конгрессмену!

— Это просто маленькая девочка, но она здесь только наполовину, — сказал один малыш, но, естественно, никто не обратил ни малейшего внимания на его слова.

Те, кто боялся призраков, бросились врассыпную — подальше от такого жуткого зрелища.

Марта же бросилась в обратном направлении — подальше от таких людей.

Некоторые, завидев бегущих, тоже побежали, сами не зная почему.

И не прошло и минуты, как началась паника — так оно и бывает, когда люди, не дав себе труда подумать, повторяют других.

— Что случилось? — спросил один мужчина другого, бежавшего рядом с ним. — У вас такой вид, будто вы повстречались с призраком.

— Я таки повстречался! — воскликнул этот мужчина. — Посмотрите! — И он указал на улепетывающую Марту.

— Глупости! Призраков просто не существует, — сказал первый мужчина, который случайно оказался человеком образованным, учителем. Он поглядел на туманную Марту. — Это просто болотный газ, — сказал он. — На призрак и не тянет.

— Планетяне? Вы сказали "инопланетяне"? — переспросил третий мужчина, попавшийся им на пути. — На нас напали инопланетяне! — завопил он, не дожидаясь ответа. И пустился бежать, и все, кто его услышал, тоже побежали.

К тому моменту как Джейн, Марк и Марта справились наконец с билетером и выскочили из кинотеатра, на улице уже царил настоящий ад. Кто-то позвонил в пожарное отделение и включил сигнал общей тревоги. Еще кто-то позвонил в полицию и попросил прислать взвод полицейских для охраны общественного порядка. Завывания приближающихся пожарных сирен и пронзительные полицейские свистки лишь добавили неразберихи.

Толпа бросилась мимо кинотеатра.

— Инопланетяне приземлились! — кричали люди, указывая назад. — Мы видели одного из них — весь прозрачный и ужасный!

Джейн, Марк и Катрин посмотрели в том направлении улицы, куда указывали люди. Вдалеке они различили смутные очертания бегущей в одиночестве Марты. Они побежали за ней.

Теперь никто уже не обращал внимания на Марту. Все были слишком озабочены воображаемыми пришельцами с Марса.

Но Марта обнаружила, что, ударившись в бег, она почему-то никак не может остановиться. И чем дольше она бежит, тем ей страшнее. Так часто бывает.

Она добежала до угла и свернула на тихую уличку, где прежде никогда не бывала. Крики людей и вопли сирен сюда не долетали. Улица была пустынной, вся в маленьких магазинчиках. Марта выбрала магазинчик посередке и вошла в него.

Спустя несколько секунд Джейн, Марк и Катрин выбежали из-за этого же угла и остановились, глядя на маленькие магазинчики. Никаких признаков Марты поблизости не было.

— Возьми-ка талисман! — воскликнул Марк. — Загадай желание.

— А, все это сказки! — сказала Джейн. — Никто в них не верит.

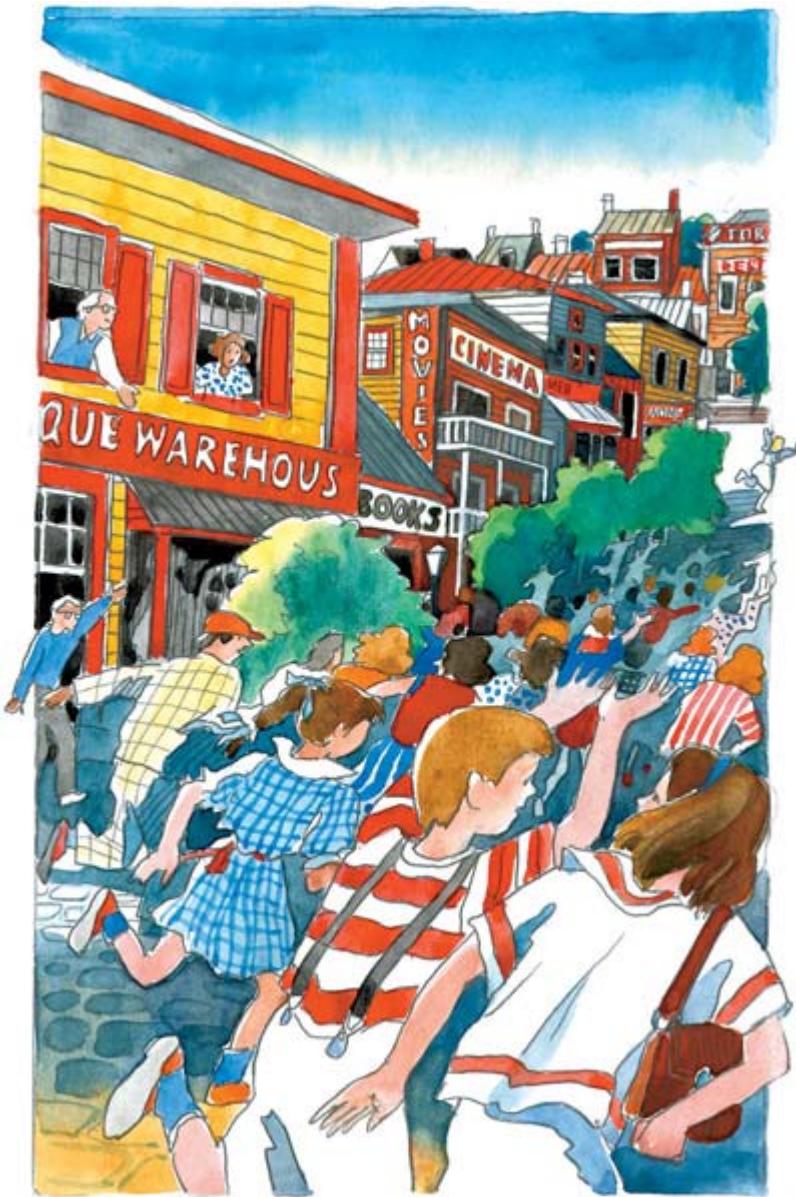
Марк и Катрин, открыв рты, уставились на нее.

— Что ты сказала? — спросил Марк.

Джейн не ответила. Чуть поразмыслив, она выбрала первый магазин в ряду и вошла внутрь. Марк и Катрин, гадая, что же такое приключилось с Джейн, последовали за ней. И тут же все трое в ужасе остановились на пороге.

Это был ювелирный магазин — на его прилавках сверкали бесценные бриллианты и роскошные перстни. В магазине хозяйничали мужчина и женщина. На голове мужчины красовалась кепка, натянутая чуть ли не до глаз. На женщине была черно-белая юбка и красная блузка.

— Давай, давай! — говорил мужчина. — Ну и подфартило же нам! Пока все там рты разеваю, мы тут все очистим.

И парочка принялась набивать карманы драгоценностями. Как раз в этот момент Катрин и чихнула. Воры обернулись и увидели в дверях троих детей.

Мужчина в кепке угрожающе двинулся на Джейн.

— Так-так, — сказал он. — Сумку — сюда.

Джейн прижала сумочку к себе. Кажется, она полупомнила, что есть какая-то конкретная причина, почему нельзя отдавать сумочку, только не могла вспомнить — какая именно. Она не знала, что же ей делать.

Однако Марк знал. Он прикоснулся к сумочке, которую держала Джейн, и пожелал, чтобы он и Джейн и Катрин оказались вдвое дальше того места, где находилась Марта.

И тут же мужчина в кепке и женщина в красной юбке остались одни — они в недоумении глядели туда, где только что были дети.

— Елки-моталки! — сказал мужчина. — Они смылись!

Войдя в магазин, что был посередке, Марта сначала никого не заметила — одни только книги. Книги стояли на полках вдоль стен и на столах во всех углах тоже были книги. В центре стоял большой письменный стол с кучей наваленных книг, и она решила, что и за ним никого нет. Но тут из-за книжной груды выглянула физиономия, а затем возникла и вся фигура какого-то маленького господина. У господина была маленькая реденькая бородка, а в руке он держал раскрытую книгу.

Он глядел на Марту.

Марта тоже глядела на него, ожидая, что он вскрикнет, или упадет в обморок, или убежит, как это было с другими. Но маленький господин ничего такого не сделал. Он улыбнулся и вежливо поклонился.

— Добрый день, — сказал он. — Полагаю, что меня посетил призрак? Какая честь. Вы вышли из какой-то книги? Должно быть, вы Малютка Нелль или Эйми Марч*, хотя одежда у вас вроде не та.

— Нет, я Марта, — сказала Марта. — И я вышла не из книги. Я вышла из талисмана.

И хотя теперь она была уже достаточно взрослой, чтобы знать, что взрослые никогда не поверят твоим словам, если речь идет о волшебстве, она стала рассказывать маленькому господину про талисман, с самого начала. Похоже, что маленького господина больше всего заинтересовал рассказ про маму.

— А не произошло ли это случаем на улице Вест Банкроф? — прервал он ее. — Примерно трое суток назад?

— Да, именно! Откуда вы знаете?! — спросила пораженная Марта.

— Это не так уж важно, — сказал маленький господин. — Ну, я весь внимание. Расскажи, что было дальше.

Так что Марта рассказала ему про кино и про то, как Джейн затолкала ее под кресло, и про свое пожелание и про то, что получилось в результате.

— И вот я здесь, — заключила она. — Верней — половина меня.

— Вижу, — сказал маленький господин.

— Какое интересное чувство — мне больше не страшно, — сказала Марта. — Только хорошо бы, это поскорее кончилось. Мама ждет нас к ужину и, боюсь, ей не понравится, если я явлюсь домой в таком вот виде. Она не как вы — она плохо относится к чудесам. Они ее только расстраивают.

— Да, я это знаю, — задумчиво сказал маленький господин.

— Ой, вы знаете мою маму? — сказала Марта.

— Ну, не совсем, — сказал маленький господин.

* Героини романов английского писателя Чарльза Диккенса (1812-1870) и американской писательницы Луизы Мэй Олкотт (1832-1888).

— Тогда откуда вы знаете про нее? Вы тоже волшебник? Колдун или еще кто? Когда я увидела вашу бородку, я подумала, что вы, наверно, колдун. Вы знаете какой-нибудь фокус-покус, чтобы я снова стала такой, как раньше?

— Боюсь, что нет, — сказал маленький господин.

— Вот если бы здесь были Марк и Джейн, и Катрин... — продолжала Марта, — у них с собой талисман и они могли бы сделать меня прежней. А вы знаете какое-нибудь волшебное слово, чтобы вызвать человека?

Маленький господин покачал головой:

— Никакого волшебного слова я не знаю. И, к великому моему сожалению, я не колдун. Ничего волшебного прежде со мной не происходило, хотя мне всегда хотелось, чтобы произошло. Но, может, мы найдем их обычным способом. Что они делали, когда ты выбежала из кинотеатра? Побежали следом?

На лице Марты отобразился испуг.

— Ой, — сказала она. — Я даже не догадалась оглянуться.

— Думаю, что побежали, — сказал маленький господин. — Наверно, они бежали следом все это время. И возможно, что сейчас они как раз возле этого магазина и ищут тебя.

— Пойду посмотрю, — сказала Марта, направляясь к двери.

В этот-то миг Марк, находившийся в ювелирном магазине в начале улицы, и загадал желание, согласно которому он, Джейн и Катрин должны были оказаться рядом с Мартой. И так оно и получилось.

— Нашла! — сказала Марта. — Я нашла их!

— Нет, не нашла, — сказала Катрин. — Это Марк попросил у талисмана.

— Не понимаю, о чем вы тут говорите, — сказала Джейн. — Никаких талисманов не существует.

— Разве? — сказал маленький господин. — Ваша младшая сестренка рассказывала мне совсем иное.

— А кто вы такой? — сердито спросила Джейн.

— Тише, — сказал Марк. — Сейчас не время для препирательств. Надо исправить то, то мы наделали. Надо прекратить эту страшную панику. Это какой-то кошмар — мы так осторожничали, и, на тебе, что получилось в результате! По-моему, талисман мог бы вести себя и поумнее.

— Нет никакого талисмана! — сказала Джейн.

— Да перестань ты! — сказал Марк. — Заладила одно и то же. Лучше послушай.

В отдалении раздавался вой пожарных сирен, полицейские свистки и крики людей.

— Теперь и я слышу, — сказал маленький господин. — Сдается, что я тоже отметил какое-то легкое волнение. Чуть раньше.

— "Легкое" — это не то слово, — сказал Марк. — По сравнению с сегодняшними событиями памятное наводнение в Джонстоне покажется пустяком.

— Я признаю, это моя ошибка, что я загадала такое желание, — сказала Марта, — но думаю, что и остальные ошиблись. С чего это они так разволнивались и забегали?

— Одна из самых отрицательных черт людей, — сказал маленький господин, — это страх перед тем, чего не понимаешь.

— И к настоящему моменту, наверно, уже сотни убитых или оставшихся без кровя, — мрачно продолжал Марк, — и грабители тут и там грабят опустевший город! А мама знает, что мы поехали в центр! — добавил он, внезапно осененный этой мыслью. — Она будет волноваться, искать нас.

— Можно мне высказать одно предложение? — сказал маленький господин. — Кажется, теперь самое время загадать какое-нибудь действительно хорошее желание.

— На вашем месте мне было бы стыдно, — сказала Джейн. — Зачем морочить голову наивным детям, притворяться, что вы во все это верите?

— Ой, да что же с ней такое стряслось? Может хоть кто-нибудь ее остановить? — сказала Катрин.

— Дайте мне, — сказала Марта. — Я нас во все это втянула, я должна и вытянуть.

Она хотела взять сумочку у Марка. Но сумочка, естественно, не удержалась в ее туманных руках и упала на пол. Так что Марку пришлось поднять ее, а Марта прислонилась к ней как прозрачная занавеска, обвилась вокруг, обволокла ее, словно туман оконную раму, — так потом рассказывала Катрин — и пожелала, чтобы Джейн дважды избавилась от своего недуга. И Джейн тут же вспомнила про талисман.

Следующим пожеланием было, чтобы мама нашла их целыми и невредимыми через четыре минуты.

— Значит, у меня еще две минуты, — сказала Марта, — чтобы вернуться к прежнему виду. — И она в третий раз обвилась вокруг сумочки. — Желаю... — начала она.

Но ей помешали.

На пороге магазина появились два человека. Мужчина в кепке и женщина в красной блузке. Их карманы оттопыривались — вероятно, от награбленного. Мужчина оглядел стены с книжными полками.

— Эта точка не годится, Мэй, — сказал он. — Акромя книг, у них тут ни шиша.

— Чем могу помочь? — спросил маленький господин, шагнув к ним.

— Как же ты поможешь, коль у тебя ни шиша, акромя книг? — сказал мужчина. И тут он увидел четверых детей. — Ба! Так это вы колдуете и исчезаете? — сказал он. — Видать крохи, у вас что-то есть, чтоб смываться. Оно у вас в этой сумке?

— Какой сумке? — сказал Марк, пряча сумочку за спину.

И тут мужчина увидел Марту.

— Что это с ней? — сказал он. — Исчезала и застряла наполовину? — И он мрачно усмехнулся. — О'кей! Такие фокусы мне ой как сгодятся. А ну, руки прочь от сумки!

— Сам руки прочь! — бесстрашно начал Марк, но едва он сказал это, как мужчина выхватил у него сумку и повернулся бежать.

Второе свое желание в этот день Марк загадал, по выражению Катрин, чуть ли не на краю пропасти. Он прыгнул к мужчине, поставил ему подножку и, когда они вместе упали, он коснулся сумочки и пожелал голыми руками задержать воров.

Ну а, естественно, половина голых рук это все равно две руки, потому что в выражении "голыми руками" ничего ведь не говорится про то, сколько их.

По прошествии двух минут и еще тридцати секунд, когда мама вошла в книжный магазин, перед ее взором предстала довольно странная картина.

Воры — мужчина и женщина — связанные по рукам и ногам, с кляпами во рту, лежали на полу, а над ними в победной позе стоял Марк, и из рук егосыпались алмазы и рубины.

На него с восхищением смотрели Джейн, Катрин и Марта, только Марта почему-то была абсолютно прозрачной.

Но, возможно, самым странным было присутствие здесь маленького господина с бородкой, который подвез ее до дома в тот вечер, когда она навещала дядюшку Эдвина и тетушку Грейс и попала в непонятное приключение.

После всех волнений, пережитых на охваченных паникой улицах, новые эмоции оказались для нее непосильны. Пошатнувшись, она застыла в дверях, раздираемая противоположными чувствами. Затем неуверенной походкой добралась до ближайшего стула и рухнула на него. Подобно многим незадачливым горожанам, ставшим свидетелями той суматохи, она просто потеряла сознание.

Маленький господин склонился над ней и стал растирать ей кисти рук.

— С ней будет все в порядке, да? — в тревоге спросила Марта.

— Думаю, что да, — сказал маленький господин. — Уверен, что да.

— Хорошо. Тогда приступим к делу, — сказала Марта. Она обволокла собой сумочку и пожелала стать дважды такой, какой была прежде.

— Так-то лучше, — сказала она мгновенье спустя, глянув с удовлетворением на прежнюю саму себя. Затем она своей собственной рукой из плоти и крови взяла сумочку и пожелала, чтобы мужчина в кепке и женщина в красной блузке дважды исправились к лучшему, насколько это возможно для промышляющих воровством.

Марк и Катрин развязали воров и вынули кляпсы.

— Ох, каким же я был раньше подлым и гадким, — сказал человек в кепке. — Теперь я об этом сожалею.

— Я была вдвое подлее тебя, — сказала женщина в красной блузке. И я даже дважды сожалею об этом.

— Что ты, — сказал человек в кепке. — Ты не способна ни на какую подлость.

Марте надоело все это слушать, и она пожелала, чтобы они дважды шли туда, откуда пришли, и парочка ушла — вполне вероятно, чтобы вступить в Армию Спасения*.

Далее надо было пожелать, чтобы украденные драгоценности вернулись туда, откуда они взялись, а это не стоило особого труда. Затем последовало дело потруднее.

— Я желаю, — сказала Марта, — чтобы все, кто получил телесные или душевые травмы, включая все, что было сломано или пошло не в ту сторону из-за моего желания, — чтобы все это дважды оказалось в том виде, что и раньше. И я желаю, чтобы все случившееся по моему желанию немедля забылось, будто это был просто дурной сон. И забылось бы дважды.

* Общественная организация в США, занимающаяся благотворительностью.

— Только, чур, кроме меня, пожалуйста, — сказал маленький господин. Он продолжал довольно странно глядеть на их маму. — Для меня было бы большим несчастьем забыть хотя бы одно мгновение этого дня.

— Только, чур... — начала Марта и споткнулась: — Как вас звать?

— Смит, — сказал маленький господин.

— Только, чур, кроме мистера Смита, — сказала Марта. — И нас, конечно, — добавила она.

И все замерли, прислушиваясь.

И вдруг вой пожарных сирен, свистки полиции и крики толпы, — вдруг все это смолкло вдалеке. Наступила тишина. А затем до их зачарованного слуха донесся обычный гул уличного движения, который прежде казался таким мерзким, а теперь звучал, как прекрасная музыка.

Марта облегченно вздохнула.

— Я боялась, что талисман истратится раньше, чем исполнит это желание, — сказала она.

— Да, это было довольно большое желание, — согласился Марк. — Наверно, талисману здорово досталось. Возможно, что это было последнее наше желание.

— Давайте немножко подождем с проверкой, — сказала Катрин.

Их мама шевельнулась, открыла глаза и огляделась.

— Где я? — спросила она, как обычно спрашивают в книгах после обморока. Затем она увидела своих детей и протянула к ним руки.

Все три девочки подбежали к ней. А также и Марк, пусть он и был мальчиком.

— У меня был такой ужасный сон, — сказала их мама. — Мне приснилось, что в городе ужасная паника, и что я вышла из дома и ищу вас, а потом...

— А потом вы вошли в мой магазин и нашли их, — сказал мистер Смит.

— Это и в самом деле вы, — сказала она.

— Да, я, — сказал он.

— Но мне казалось... — начала их мама. — Я готова поклясться... — начала она снова.

Она провела рукой по лбу и слабо улыбнулась мистеру Смиту:

— Каждый раз, когда мы встречаемся, мне чудится, что происходит что-то странное.

Она встала со стула и еще раз огляделась.

— А что, здесь действительно не было ни воров, ни бриллиантовых ожерелий? — спросила она.

— Что-что? — сказал Марк.

— Наверно, это тебе приснилось, — сказала Марта.

— Думаю, мне лучше пойти домой полежать, — сказала мама. — Я как-то странно себя чувствую.

— Хм, — сказал мистер Смит, нервно прочищая горло. — У меня есть идея получше. Давайте все вместе сходим куда-нибудь поужинать? А затем можно заглянуть в кино или еще куда.

— Нет, что вы, — сказала мама. И вдруг добавила довольно удивленно: — А вообще-то я не против.

— Только, пожалуйста, не в кино, — сказала Марта.

— Ну хорошо, — почему-то смущенно сказала мама, — мы могли бы после ужина отправиться к нам домой. — Она взглянула на мистера Смита и засмеялась.

— Кажется, нам ничего не остается, как получше узнать друг друга! — сказала она.

И, возможно, так оно и было.

Потому что они и сделали.

VI

Что произошло с Джейн

Ужин с мистером Смитом, а затем и весь вечер, проведенный в его обществе, имели большой успех.

Но еще больший успех, с точки зрения Марка, Катрин и Марты, выпал на долю мистера Смита.

Вообще-то эти четверо детей разделяли всех взрослых на четыре категории. Если уж честно, то такие, как мисс Бик и дядя Эдвина, и тетя Грейс, и миссис Гудзон, вовсе не были добры к детям, как бы жестко это ни прозвучало. И с этим ничего не поделаешь, считали дети, — оставалось только быть вежливым и исчезать при первой же возможности.

Другие, как мисс Мами Кинг, при детях тоже притворялись детьми. У таких людей были безусловно добрые намерения, но зачастую это кончалось тем, что дети испытывали за них неловкость.

Намного лучше были те, кто наоборот относился к детям как к взрослым. Это, конечно, льстило, но отвечать столь высоким требованиям стоило порой слишком больших усилий. Под эту категорию для четверых детей подпадали многие их школьные учителя.

И наконец самыми лучшими и самыми редкими взрослыми были такие, которые понимали, что дети это дети, а взрослые это взрослые, да, именно так, а не иначе, и в то же самое время ничто им не мешало ладить с детьми и вести себя естественно при встрече, даже если это случайная встреча.

Оказалось, что мистер Смит именно из этой последней категории взрослых.

Он сделал так и даже настоял, чтобы дети выбрали из меню на ужин все, что только душа пожелает, и в то же самое время он доверительно посоветовал Марку попробовать лучше шницель с кровью и жареным луком, нежели тресковые язычки.

А Джейн заявила, что она не очень-то голодна и что пусть лучше мама сама ей что-нибудь закажет. И что ей ничего не хочется на десерт, спасибо. Остальные дети с недоверием посмотрели на нее.

После ужина домой отправились на автомобиле, и это было здорово, потому что в те времена мало у кого были собственные автомобили, и дети были среди тех, у кого таковых не было. Мистер Смит показал им, как переключаться с первой скорости на вторую без всякой на то остановки, и Марк подумал, что это чудо ничуть не уступает тому, что сотворил талисман.

А Джейн заявила, что она это уже видела. Остальные дети решили, что это невежливо с ее стороны.

Когда они прибыли домой, мистер Смит показал себя знатоком в игре в "Фанты" и в "Веришь — не веришь", и, когда карты всем надоели, он увлекательно рассказывал о своем путешествии в неведомую Австралию.

А Джейн заявила, что она устала и ей больше не хочется ни игр, ни рассказов, — она лучше пойдет ляжет, и закончит наконец книгу "Жатва Хильдегарды". Оставшиеся дети переглянулись между собой и решили, что с Джейн потом следует поговорить.

Но когда наконец, чуть ли не заполночь их отправили спать, и они заглянули в ее комнату, Джейн уже спала, или делала вид, что спит.

Наутро у них не было случая поговорить с ней, потому что это было субботнее утро, а по субботам все в доме становилось вверх дном.

Мама по субботам возвращалась с работы рано, а мисс Бик уходила в середине дня, — вот чем хороша была суббота.

Но, казалось, именно в субботнее утро мисс Бик и старается излить на них всю свою ворчливость и сварливость, на что обычно ей требовался целый день; к тому же сегодня дети были настолько заняты чисткой столового серебра и наведением порядка в своих ящиках, и вытираением пыли, и всякими прочими мелочами, что, даже когда они случайно сталкивались в холле, у них не было и минутки, чтобы переброситься словечком.

И только к ланчу, появляясь один за другим, они наконец смогли собраться в комнате Катрин и Марты, чтобы определить планы на день.

Планы эти, естественно, касались талисмана и того, что же с ним делать дальше.

— Мне вот что не дает покоя, — сказала Марта Катрин, как только Марк и Джейн присоединились к ним, — когда я была здесь только наполовину, то где же интересно была моя вторая половина?

— Брось ты, — сказала Катрин. — Это один из тех вопросов, от которых можно свихнуться. Вроде того, что было раньше — курица или яйцо?

— А все равно, — сказал Марк, усаживаясь рядом, — все равно было бы интересно узнать, где она была.

— Ты что, хотел бы загадать, чтобы мы оказались там? — округлила глаза Катрин. — Даже неважно где?

— А я не хочу! — сказала Марта. — Может быть, это и вовсе нигде. Может быть, мы бы просто превратились в ничто.

— Если бы мы превратились в ничто, мы бы этого не узнали, — заметил Марк.

* Хильдегарда фон Бинген - германская аббатиса. Жила в XII веке и считалась святой прорицательницей.

— Но ведь это еще хуже! Значит, мы бы вовсе никогда не вернулись обратно! — довольно возбужденно воскликнула Марта. — А я не хочу так, чтобы ничего не знать. Я не хочу превращаться просто в ничто. Если мы это загадаем, я с вами не пойду.

— Ладно, тебе не придется, потому что мы туда и не собирались, — впервые подала голос Джейн. Она подошла к потайному месту и достала талисман. — Сегодня моя очередь, но мне не хочется ничего загадывать. Я, может, несколько лет не буду загадывать никаких желаний. Или вообще никогда. — И, положив талисман в карман, она направилась к двери.

— Что с тобой случилось? — спросил Марк, вставая следом.

— Ровным счетом ничего! — обернулась к нему Джейн. — То есть абсолютно. Все просто великолепно! То есть в самом лучшем виде! Просто классно!

— А разве нет? — спросила Катрин.

— Все напрочь испорчено, вот что! — закричала Джейн. — Все просто рухнуло полностью и окончательно! И только потому, что кое-кто не умеет держать язык за зубами . — И она гневно уставилась на Марту.

— А что я такого сделала? — спросила Марта.

— Как будто не знаешь! — сказала Джейн. — Я-то думала, что нас ждет впереди удивительное, замечательное, таинственное лето, с головокружительными приключениями, а ты идешь и все выбалтываешь первому встречному.

— Это ты про мистера Смита? — удивленно спросила Марта. — Но теперь же он не первый встречный, он наш друг.

— Ах, друг, да? — сказала Джейн. — Ну, тогда все просто чудесно, не так ли? Теперь, стало быть, во все вмешаются взрослые и каждый раз будут нам говорить, что следует пожелать, да еще попросят у нас в долг талисман и потратят его на собственные прихоти... а это и означает, что все рухнуло полностью и окончательно! — Она спустилась в холл, вошла в собственную комнату и захлопнула за собой дверь.

Две сестры и брат озадаченно смотрели ей вслед.

— Ей что, не нравится мистер Смит? — спросила Марта.

— Да, — сказал Марк. — Думаю, что не нравится.

У себя в комнате Джейн села на кровать и предалась мрачным раздумьям. Чувствовала она себя ужасно — так ведь себя и чувствуешь после того, как обойдешься абсолютно отвратительно с теми, кого любишь больше всего, а она даже не знала, почему так себя повела. Она не понимала, почему даже сама мысль о мистере Смите так огорчала ее, а если и понимала, то не хотела в этом признаваться, даже самой себе.

Дело же заключалось в том, что Джейн была единственной из четверых детей, кто действительно помнил отца.

Когда умер их отец, Марта была еще грудной, а Катрин и Марк были еще слишком малы, чтобы что-то запомнить. Но Джейн хорошо его помнила, и притом вспоминала с большой любовью, и именно поэтому ей была невыносима мысль, что мистер Смит входит теперь в их жизнь, узнает про них все больше и больше, так что уже становится чуть ли не членом семьи и даже старается быть для них вместо отца, а что мистер Смит так и хочет сделать — в этом она ничуть не сомневалась.

И вот она сидела в своей комнате и все думала, думала и чувствовала себя абсолютно несчастной. Даже талисман в кармане не утешал ее, потому что, хотя он и правильно помогал

другим, если она сама загадывала их желания, то, что касается ее собственных сокровенных желаний, они в настоящий момент были ужасно преступными, а она была достаточно взрослой и доброй, чтобы понимать, что желание стать невидимкой и пойти и дернуть мистера Смита за его бородку или написать ему угрожающее письмо, макая перо в кровь, вряд ли хоть чуточку исправит ей настроение.

Спустя какое-то время раздался стук в дверь и Марк, Катрин и Марта с торжественным видом вошли друг за дружкой в комнату.

— Мы тут подумали, — сказал Марк, — и решили, что нам надо провести Совет.

— По поводу мистера Смита, — сказала Марта.

— Убирайтесь, — сказала Джейн.

— Он бы тебе понравился, если бы ты его действительно узнала, — сказал Марк. — Вчера вечером с ним было очень интересно.

— Пхе! — сказала Джейн.

— Он очень помог, когда я была наполовину там, — сказала Марта. — Он всерьез принимает чудеса, не то что другие взрослые.

— Ха! — сказала Джейн.

— Так что мы подумали... — начала Катрин и замялась, глянув на Марка.

— Ну и? — спросила Джейн.

— Скажи ей, — попросила Катрин Марка.

— Мы подумали, — сказал Марк, — что, может, перед тем как загадать новое желание, лучше бы навестить мистера Смита и посоветоваться с ним. Хотя бы в общих чертах.

— Что-что? — сказала Джейн.

— Я думаю, что нам следует взять его с собой в наше желание, — сказала Марта. — Он поможет вернуться, если у нас начнутся неприятности.

— Которые всегда и начинаются, — сказала Катрин.

— Тогда ты и узнаешь его на самом деле, — сказал Марк.

— И снова будет все хорошо, — сказала Марта.

Джейн поглядела на них так, будто не верила ушам своим.

— Кажется, эта семейка свихнулась окончательно и бесповоротно! — закричала она. — Разве вам не понятно, почему он проявил к нам такой интерес и корчит из себя добрецкого? Разве вы не видели, как он с мамой переглядывается? И вы хотите, чтобы какой-то там дохлый отчим болтался здесь и вмешивался в нашу жизнь?

Остальных эти слова удивили, но вовсе не поразили.

— Думаю, он идеально подходит для такой роли, — сказала Катрин.

— Для подростка полезно, когда в доме есть мужчина, — сказал Марк.

— Я всегда хотела иметь папу, — сказала Марта.

И тут Джейн разбушевалась.

— Вы что, на самом деле думаете, что он может заменить папу? Он со своей чахлой бородкой? Вы что, не знаете, какими оказываются потом эти отчимы, добившиеся своих роковых целей? Вы что, забыли про мистера Мёрдстона? Забыли, да? — кричала она, испепеляя их взглядом. — Да что с вами говорить. Вы не поймете. Я желаю...

Она испуганно замолчала, вспомнив о талисмане. Но затем, движимая вопиющим безрассудством, запустила руку в карман, крепко зажала талисман и продолжала:

— Да, я желаю. Желаю иметь другую семью. Дважды другую.

Марк, Катрин и Марта только ахнули. Ничего худшего нельзя было себе представить. Они даже не осмеливались посмотреть на Джейн, из страха, что она прямо на глазах начнет превращаться в кого-то другого.

Но когда они все-таки посмотрели, то перед ними стояла все та же голубоглазая курносая Джейн, с каштановыми волосами, — та, с которой они росли, которую все любили. Им показалось, что ничего не произошло. Может, даже вовсе ничего. Марк решил это проверить.

— Послушай, милая Дженис, — сказал он, накрывая своей рукой ее руку, — он назвал ее ласкальным именем, что бывало лишь в крайне серьезных случаях жизни, — ты ведь этого не хотела, правда же?

— Пусти меня, хулиган! — раздался строгий голос, которого раньше никто из детей не слыхивал, почти как у леди. — Ты скверный мальчишка! Мне не нравятся мальчишки! И ты мне не нравишься!

— Ой! — воскликнула, побледнев, Марта. — Она нас не знает!

— Как это — не знает? — сказала Катрин. — Ты ведь нас знаешь, дорогая Джейн? Я — Кати, нас ведь с тобой водой не разольешь.

— Нет, я тебя не знаю и знать не хочу! У тебя грязное платье, — произнес голос, который, к их ужасу, кажется, раздавался из самой Джейн. — Мама велела мне никогда не водиться с незнакомыми детьми.

Марта стала чихать.

— Какая негигиеничная девчонка, — сказал этот голос. — Скажите ей, чтобы взяла носовой платок. Она меня заразит микробами.

— Ой, да что же с ней такое случилось? — взмолилась Марта.

— Она не виновата — сказала Катрин, чтобы утешить младшую сестренку. Думаю, ее просто так воспитали. В той семье, из которой она теперь. Это только доказывает, в какой хорошей атмосфере она жила с нами. В нашем доме она была в сто раз лучше.

— Я этому не верю, — сказал Марк. — Она просто пытается нас дурачить. Правда же, Дженис?

— Не называй меня так, — сказал голос. — Это не мое имя.

— Ну и прекрасно, — сказал Марк, вдруг воодушевившись. — Если это не твое имя, то тогда как же тебя зовут?

Незнакомая девочка, которая выглядела как Джейн, но больше не была ею, вроде, немного испугалась, будто не знала, что ответить. Затем лицо ее прояснилось.

— Мама зовет меня Маленькой Паинькой, — сказала она.

Марк икнул, будто его затошило.

На лице Катрин изобразилось отвращение.

— Подумать только, до чего можно докатиться! — сказала она с горечью.

Та-которая-больше-не-была-Джейн оглядела комнату.

— Мне не нравится этот дом, — сказала она. — Обстановка — одно дурновкусие. Все слишком кричащее. — Нижняя ее губа дрогнула. — Я хочу домой.

— Хочешь домой, да? — сказал Марк. — Хорошо, это можно устроить. За словом дело не станет. — И он запустил руку в ее карман, где, как известно, был спрятан талисман.

Но та (которая больше не была Джейн) отскочила в сторону и закатила ему увесистую пощечину, даже слишком увесистую для такой недотроги, корчащей из себя бог знает кого.

— Получил?! — крикнула она. — Ты не только хулиган, но еще и воришко! — Она смерила их взглядом. — Все вы дурно воспитанные дети. Сначала вы похитили меня, а теперь решили обокрасть. Я все расскажу своей маме!

С этими словами она бросилась из комнаты и побежала вниз по ступенькам. Когда же все остальные пришли в себя и бросились за ней, она уже чуть не разнесла в щепки входную дверь.

Марк и Катрин скатились вниз, прыгая через три ступеньки. Марта же воспользовалась перилами. Но в холле навстречу им шагнула мисс Бик и преградила дорогу.

— Куда?! — заявила она. — Ни одна живая душа не выйдет из дома, пока стол не будет накрыт для ланча.

Возразить на это было непросто, и дети так ничего и не придумали. Они даже не стали объяснять мисс Бик, что Джейн уже не дома. Как потом рассказывала Катрин, — если судить по поведению Джейн, то в тот момент у старшей сестры, пожалуй, и не было никакой живой души.

И никогда еще стол не накрывался с таким старанием, никогда еще серебро так не летало по воздуху, как в тот раз. На всю эту пустую и дурацкую возню ушло не больше одной драгоценной минуты, и вот наконец Марк, Катрин и Марта выбежали из парадной двери, спустились с крыльца и, встав на тротуаре, во всех направлениях прочесали обозримое пространство.

Далеко на Маплвуд авеню они различили кого-то в платье Джейн — эта кто-то держалась очень манерно, шла мелкими шажками и так выворачивала носочки, как Джейн никогда себе не позволяла. На их глазах эта кто-то повернула направо, на улицу Вирджиния.

Только они собирались броситься за ней, как к их дому подъехал автомобиль и вышедший из него мистер Смит открыл дверцу для их мамы.

— Присоединяйтесь к нам на ланч! — позвала мама, заливаясь краской, — выглядела она смущенной и похорошевшей. — А где Джейн?

Дети переглянулись и затем еще раз глянули в одну и ту же сторону.

— Мы точно не знаем, — сказала Катрин.

— Кажется, она пошла к кому-то на улице Вирджиния, — сказал Марк, надеясь, что так оно и есть и "она" (то есть то, что осталось от Джейн) не заблудится.

— Ну хорошо, — сказала мама, доставая из автомобиля какие-то очень привлекательные с виду пакеты. — Это все для праздничного стола. Только сходите за ней.

Дети потупились — на лицах их была написана безысходность.

— Или постойте, — ничего такого не замечая, продолжала мама, — лучше садитесь в машину и привезите ее. Так будет быстрее. Я пока просвещу мисс Бик насчет праздничного стола.

И она пошла к дому, нагруженная пакетами.

Марк, Катрин и Марта подождали, пока она скроется за дверьми и, повернувшись к мистеру Смиту, заговорили все разом. Но тут же остановились и снова переглянулись.

— Рассказать? — спросила Катрин.

— Да, — решительно кивнул Марк. — Бывают моменты, когда требуется мужское вмешательство, а сейчас как раз такой момент.

— Я ведь говорила, что мы просто обязаны это сделать, — сказала Марта. — Ведь говорила, что он найдет выход. Вот увидите.

И они забрались втроем на переднее сиденье машины и принялись рассказывать мистеру Смиту об ужасных событиях этого утра. Однако они не стали вдаваться в причину скверного настроения Джейн, равно как и в то, какие чувства она испытывает по отношению к отчимам, приняв во внимание его собственные чувства.

И мистер Смит не стал тратить время на лишние вопросы. ("Что доказывает, — говорил потом Марк Катрин, — что он был бы идеальным отчимом, а вовсе не Мёрдстоном".) Он завел мотор, и автомобиль рванул по Мэплвуд и затем повернулся на улицу Вирджиния.

Той-которая-больше-не-была-Джейн нигде не было видно.

— Она где-то в этом квартале, — сказала Катрин. — Она не могла уйти далеко.

— Что же теперь нам делать? — сказала Марта.

— Поди разбери, — сказал Марк. — Она может быть в любом из всех этих домов.

— Мы можем крикнуть: "Пожар!" — и тогда все выбегут, — предложила Катрин.

— Только давайте лучше без всяких пожаров и беготни, — передернула плечами Марта, вспомнив недавно пережитое. — Давайте постучим во все двери и спросим, нет ли желающих подписаться на "Литературный альманах".

— Пустой номер, — сказал Марк, который однажды летом это уже проделывал, пытаясь заработать на карманные расходы. — Они всегда говорят "нет" и захлопывают дверь перед носом.

Марта повернулась к мистеру Смиту:

— Теперь все зависит от вас, — с надеждой сказала она.

Мистер Смит был тронут и польщен. Но кроме того, он немного нервничал, поскольку ему хотелось оправдать их доверие. Он прокашлялся и сказал:

— Значит, так. Перво-наперво такого рода дом должен быть похож на такого рода девочку из такого рода семьи.

И Марк, Катрин и Марта стали изучать квартал. К счастью, он был небольшой, всего на восемь домов, по четыре с каждой стороны улицы. Почти все дома были очень похожи на их собственный — такие же удобные, видавшие виды дома семейного типа, в которых легко и жить, и дружить.

Все, кроме одного.

Восьмой дом был из холодного серого камня и стоял прямо на изумрудно-зеленой лужайке, подстриженной с невозможной тщательностью, — от улицы дом отделяла ограда из венчозеленого кустарника. К парадной двери вела дорожка из ярко-голубого гравия, по краям которой росли такие скучные растения, что казалось, будто они не только никогда не цветут, но и не желают этого. На лужайке не было ни воротцев для игры в крикет, ни велосипедов, ни детских автомобилей, — ничего такого, что обычно видишь перед домом. Зато была небольшая табличка, гласившая: "По газону не ходить".

— Вот он, — утвердительно сказал Марк. — Во всяком случае, должен быть он. Он похож на нее.

Марк, Катрин, Марта и мистер Смит вылезли из автомобиля и крадучись направились к серому каменному дому. Перед ним никого не было. Изнутри раздавались звуки фортепьяно — кто-то разучивал трудный отрывок.

— Это вряд ли Джейн, — сказала Марта. — Она всегда ненавидела что-нибудь разучивать.

— Бьюсь об заклад, что сейчас все наоборот, — сказал Марк.

— Хорошо, если бы она нас не заметила, — сказала Катрин. — Кажется, мы ей больше совсем не нравимся.

— Если ее новая семья хоть каплю на нее похожа, то, думаю, мы им тоже не понравимся, — сказал Марк. Он повернулся к мистеру Смиту:

— Полагаю, теперь все зависит от вас, сэр.

Мистер Смит снова нервно кашлянул.

— Хорошо, — сказал он. — Я попробую.

Так что Марк, Катрин и Марта спрятались за изгородью из венчозеленого кустарника, а мистер Смит, предварительно удостоверившись, что у них ничего не высывается и не выглядывает на общий обзор, расправил плечи, браво зашагал по дорожке из голубого гравия и постучал в парадную дверь дверным кольцом из латуни, сделанным под старину.

Когда та-которая-больше-не-была-Джейн свернула с Маплвуд на улицу Вирджиния, она пряником направилась к серому каменному дому и, пройдя по дорожке из голубого гравия, вошла в парадную дверь. Так или иначе теперь это был ее дом и теперь она была из этой семьи.

Она вошла и поднялась по лестнице в комнату, которая была теперь ее комнатой. На окнах там висели вязаные вручную занавески холодного серого цвета, да и стены были выкрашены в такой же унылый тон. Ярких картинок на стенах не было, только эстампы цвета сепии, изображающие Сэра Галахада и Леди по прозвищу Хоуп*. На книжных полках было полно толстенных книг, похожих на справочники, и абсолютно никаких игрушек или детских игр, только несколько комплектов пособий вроде тех, в которых тебе за шесть уроков рассказывают в доступной форме, как плести кружева и делать тиснение на коже.

Та-которая-больше-не-была-Джейн села на неудобный стул под старину и стала просматривать один из справочников. Она листала его с таким видом, будто тыщу лет только этим и занималась, и в то же время в глубине души она испытывала странную пустоту и неуют, как если бы эта чопорная комната была вовсе не ее комнатой.

Чуть погодя, решив, что пока с нее хватит подобной литературы, она отложила справочник и вынула из кармана маленький круглый блестящий предмет. Она сидела и долго внимательно смотрела на него. В голове ее этот предмет странным образом соединился с охватившим ее

* В переводе с английского — надежда.

чувством пустоты и неуята, однако она никак не могла вспомнить, почему эта поблескивающая штуковина сделала ее такой несчастной и одинокой.

Дело же было в том, что когда она пожелала оказаться в другой семье, она ничего не сказала о том, чтобы остаться прежней Джейн. Именно поэтому она превратилась в девочку, которой бы и стала, если бы выросла в этом холодном сером доме. Но где-то в глубине души настоящая Джейн еще боролась за саму себя. Это называется борьбой вида за выживание, и так оно по сути и было.

Она немного посидела наедине с самой собой (или с двумя самими собой), а затем в дверях появилась какая-то леди. На ней было скучное серое шерстяное платье.

— Так вот ты где! — воскликнула она. — Мамочка уже начала беспокоиться — куда это делась ее Маленькая Паинька.

— Я играла, — сказала та-которая-была-теперь-полуДжейн- полуМаленькая-Паинька (думаю, что самое время ради экономии слов назвать ее просто ОНА).

— Где же ты играла? — спросила серая леди. — Тебя не было ни на веранде, ни на дворе.

— Я была там, за углом. Играла с детьми.

— Но за углом мы ни с кем не знакомы, — встревожилась серая леди. — Мамочке, конечно, хочется, чтобы ты дышала свежим воздухом и побольше двигалась, но лучше держаться подальше от незнакомых людей. А это были хорошие дети?

ОНА заколебалась.

— Тебе бы они не понравились, — сказала ОНА наконец и, опустив голову, снова стала разглядывать круглый блестящий предмет, который держала перед собой.

— Ты, Паинька, сегодня какая-то не такая, — с укоризной сказала леди.

— Я знаю, — с горечью сказала ОНА.

— Разве я тебя не учила смотреть прямо в глаза, когда к тебе обращаются? — продолжала леди. — Что это у тебя в руке?

— Не знаю. Я это нашла.

— Дай-ка посмотреть, — сказала леди. Она взяла блестящий предмет. — Э, да ведь это что-то очень интересное! Похоже на какой-то древний талисман. Ты погляди, тут что-то написано, только непонятно, на каком языке. Это не греческий и не латынь. Может быть, это санскрит*. Когда папа придет домой, он нам переведет. А теперь не лучше ли тебе немножко вздренуть перед обедом?

Джейн, Марк и Катрин, и Марта уже тыщу лет дружно ненавидели сон перед обедом, и то немноже, что еще оставалось от Джейн, погребенной под слоями Маленькой Паиньки, вышло на поверхность.

— Я совсем не хочу спать, — сказала ОНА.

— Но ты всегда спала в это время! — воскликнула леди.

— Правда? — сказала ОНА, почувствовав, как сжимается ее сердце. — Я бы лучше накопала червяков и сходила бы на рыбалку.

Леди чуть ли не упала в обморок.

* Литературная разновидность древне-индийского языка.

— Опомнись, Паинька! Разве ты не знаешь, что ловить рыбу — это жестокость, если это не связано с необходимостью добывать пищу, а у нас дома все вегетарианцы!

— Или бы построила форт из кубиков и повоевала бы оловянными солдатиками, — неуверенно сказала ОНА.

— Опомнись, Паинька! — снова воскликнула леди. — В этом доме нет оловянных солдатиков! Они символизируют собой милитаризм и для игр не годятся! Не могу понять, что это нашло на тебя сегодня. Должно быть, это влияние тех дурных детей! Лучше пойдем-ка в гостиную и положим этот древний талисман в шкафчик наших редкостей, а потом до возвращения папы ты можешь разучить новую пьесу.

Тому, что еще оставалось от Джейн, не понравилась картина исчезновения круглого блестящего предмета из рук владелицы, равно как и перспектива разучивать новую музыкальную пьесу. И в душу закрались некоторые сомнения относительно дома, где спят в дневное время и где избегают ярких цветов, и где все естественное и занимательное превращается в убогое и унылое. Но ОНА удрученно последовала из комнаты за серой леди, спустилась в большую холодную серую гостиную и села за рояль.

И оказалось, что игра на фортепьяно, которая раньше была для Джейн настоящей пыткой, теперь просто любимое дело. Она принялась играть легко и с блеском, а серая леди уселась на тяжелый стул из резного дуба и открыла журнал под названием "Аутлук"*.

Так продолжалось бесконечно долго, и последняя крупица, оставшаяся от Джейн, уже начала было думать, что ей придется попрощаться с жизнью, как вдруг, нарушая занятия, кто-то постучал в парадную дверь.

— Кто бы это мог быть? — сказала леди. — У папы свой собственный ключ, а больше к нам никто не ходит.

"Это уж точно!" — прощально вспыхнула искорка прежней Джейн.

Леди направилась к двери и открыла ее. На пороге стоял маленького роста господин. У него была остроконечная бородка и довольно напряженное выражение лица.

— Добрый день, мадам, — сказал он, закладывая одну руку за спину, как будто скрестил на ней пальцы (что он и сделал). — Дело в том, что я пишу книгу о психологии детей, и прослыпал, что у вас растет очень умная дочка. И вот мне подумалось, нельзя ли побеседовать с ней?

— О, как интересно! — воскликнула леди. — Я сама всю жизнь занимаюсь детской психологией!

— В самом деле? — сказал маленький господин и вид у него стал еще более напряженный.

— Да, это так. Какого метода вы придерживаетесь — Шварца-Меттерклиоме или Бронтоскори?

Казалось, что маленький господин предпочел бы оказаться где-нибудь в другом месте.

— У меня свой метод, — сказал он. — Вы о нем не могли слышать.

— Как все это интересно! — воскликнула леди. — Проходите и расскажите-ка мне все о своем методе. — И она провела маленького господина по серому холлу в серую гостиную.

Тем временем Катрин высунулась из своей вечнозеленой засады.

— Тсс... — сказала она.

— Пошли, — сказал Марк, высовываясь из своей засады.

Сопровождаемые Мартой, они пересекли изумрудную лужайку и поднялись на крыльцо. Леди от возбуждения забыла закрыть парадную дверь и, стоя в прихожей, дети прекрасно слышали все, что происходило в гостиной.

— Нам бы, конечно, не хотелось никакой огласки, — говорила леди. — Вы ведь не будете называть ее в книге по имени?

— Естественно, нет, — сказал голос мистера Смита (потому что маленький господин — это был, конечно, он). — Главу о ней я назову "Случай Джейн".

Марк, Катрин и Марта услышали чей-то короткий вздох, как будто упомянутое имя что-то значило для кого-то, кто находился в комнате.

— Если только слушаем это не ее собственное имя, — продолжал голос Мистера Смита.

— О нет, — сказал голос леди, — мы называем ее Паинька, имя же ее — Ифигения.

* В переводе с английского — виды на будущее.

— Какая гения? — переспросила Катрин Марка.

— Чшш, — прошипел Марк Катрин.

— Понятно, — сказал голос мистера Смита. — Добрый день, Ифигения. Ты веришь в чудеса?

— Да что вы! — раздался голос леди, поспешившей ответить вместо НЕЕ. — Боюсь, что ваш метод несколько устарел. Ифигения никогда не верила ни в чудеса, ни в прочие разные выдумки.

— Об этом можно только пожалеть, — сказал голос мистера Смита. — Однако каковы ее интересы? Она что-нибудь коллекционирует?

— Ну конечно, — раздался голос леди, снова ответившей вместо НЕЕ. — Она коллекционирует предметы искусства. Сегодня, например, она принесла в дом редкий старинный амулет.

Стоя возле дверей, Марта ущипнула Катрин:

— Наш талисман! — прошептала она.

— Чшш! — прошептала в ответ Катрин.

— Неужели? — раздался взволнованный голос мистера Смита. — Нельзя ли взглянуть на него хотя бы одним глазком?

— Никаких проблем, — ответствовал голос леди. Слышно было, как она пересекла комнату, а затем наступила такая тишина, что у Марка, Катрин и Марты лопнуло терпение и они на цыпочках двинулись к гостиной, чтобы посмотреть, что же там происходит.

Пол в прихожей был натерт до блеска, и на нем лежало несколько половиков ручной вязки. Марта зацепилась ногой за один из половиков, поскользнулась и шлепнулась, влетев в гостиную, — как раз в тот момент, когда леди, закрыв шкафчик с редкими вещами, протягивала мистеру Смиту талисман. Вслед за Мартой в гостиной появились Марк и Катрин.

"Привет", — сказала ОНА, улыбнувшись им. После того, как она провела в этом сером доме полчаса, дети эти понравились ей гораздо больше, чем в предыдущую встречу. Она повернулась к серой леди:

— Это дети, с которыми я играла днем.

— Мда, боюсь, что это очень невоспитанные дети, — сказала леди, едва оправившись от удивления. И она грозно посмотрела на Марка, Катрин и Марту. — В этот дом не входят без разрешения. Думаю, будет лучше, если вы немедленно его покинете. Ифигения не хочет вас видеть.

— Нет хочет, — отважно сказал Марк, делая шаг вперед. — Только она этого не знает. Дайте мне этот талисман и я докажу. Он все равно наш.

— Если ты имеешь в виду этот редкий древний санскритский талисман, — сказала леди, — то он не ваш. Он принадлежит моей Ифигении.

— Она не ваша, а наша, — сказала Марта, подымаясь с пола.

— И ее зовут не так, как вы ее зовете. Это — Джейн, — сказала Катрин.

— И она живет не здесь, а на Маплвуд, — сказал Марк.

— Прекратите! — сказала леди. — От роду не слышала такой вопиющей лжи! Вы или самые дурно воспитанные дети на свете или вы умственно неадекватные! Боюсь, что мне придется позвонить вашим родителям!

— Нет, только не это! — сказал мистер Смит, взволнованно выступая вперед. — Боюсь, что все это моя вина. Боюсь, что это я попросил прийти этих детей. Просто в порядке маленького эксперимента. Это, так сказать, часть моего метода.

— В таком случае я больше не хочу о нем слышать, — уже всерьез посурорев, сказала леди. — Я совершенно не верю, что вы детский психолог, а если и да, то не имеете на то никакого права. Я напишу жалобу на вас в "Психологический журнал".

— Ладно. Вы правы. Я не психолог, — сдался мистер Смит. — Но не волнуйтесь, я могу все объяснить. Только это долгая история. Вот если вы одолжите мне этот талисман...

— Так вот оно что! — воскликнула леди. — Теперь все понятно! Это заговор! Является сюда под видом автора книги, а сам только и мечтает украсть наши ценности! Как вам не стыдно прибегать к помощи бедных детей!

— Да нет же! — сказал мистер Смит, начиная выходить из себя. — Вы заблуждаетесь. Эта маленькая девочка вовсе не та, за кого вы ее принимаете.

— Если бы вы узнали ее, она бы вам не понравилась, — вставила Катрин то, что и думала. — Вы бы увидели, что это волк в овечьей шкуре.

— Она моя сестра, — сказал Марк, — только у нее, как это называется...

— Галлюцинации, — подсказал мистер Смит.

— Мы хотим взять ее туда, где к ней будут добры, — сказала Марта. — Джейн, Джейн, пойдем из этого холодного скользкого дома!

Частичка Джейн, оставшаяся в самой глубине души Ифигении, услышала зов Марты. И подумала, насколько она была бы счастливей с Мартой, Марком и Катрин, да и с мистером Смитом тоже, чем с этой леди в сером. Она вспомнила свой дом и свою семью и ей захотелось вернуться туда. Сделав над собой огромное усилие, она стала выбираться из глубины на поверхность и уже собралась было заговорить.

Но тут ей помешали. В гостиной появился серый господин, худой и тонкий.

— Ярворт! Как хорошо, что ты пришел! — воскликнула серая леди. — Этот бандит с помощью вот этих маленьких преступников хотел ограбить нашу Ифигению!

— Боже мой, — сказал серый господин, отступая. — Ты не шутишь?

— Что же ты стоишь как вкопанный?! — воскликнула серая леди. — Защити нас! Иначе что подумает Ифигения о своем отце?!

Что Ифигения подумала бы о своем отце, мы, видимо, никогда не узнаем. Потому что в этот момент мистер Смит, уже сытый по горло и Ифигенией, и ее родителями, решил действовать.

— Извиняюсь за вынужденную грубость, мадам, но потом вы мне только спасибо скажете, — проговорил он. — Во всяком случае, я на это надеюсь.

И, выхватив талисман из рук леди, он глубоко вдохнул и пожелал, чтобы Джейн стала дважды той Джейн, какой была прежде.

Джейн, вдруг снова оказавшись самой собой, радостно вскрикнула и бросилась прямо к мистеру Смиту, немало удивив Марка, Катрин и Марту.

— Вы просто чудо! — сказала она. — Какая-то часть меня оставалась здесь и надеялась, что вы меня спасете. И вы спасли! Вы просто чудо!

— А, пустяки, — скромно сказал мистер Смит.

— Мы же тебе говорили, — сказали своей сестре Марк и Катрин. Они тоже подбежали к мистеру Смиту, а следом и Марта, и теперь они стояли все четвером, решительно глядя на серую леди и серого господина.

Леди хлопала глазами, а господин тер свои. Казалось, что оба они только-только очнулись после какого-то кошмара.

— Что означает это вторжение? — строго спросила серая леди. — Что вы делаете в нашем доме? Немедленно убирайтесь вон!

— Так это не ваша девочка? — спросил мистер Смит, обняв одной рукой Джейн.

Леди брезгливо взглянула на Джейн:

— Первый раз в жизни вижу это маленько чудовище!

— Так у вас, видно, и нет никакой девочки? — продолжал мистер Смит.

— Конечно, нет, — с облегчением сказала леди. — Это так шумно и утомительно, и так хлопотно!

— Значит, если мы возьмем ее с собой, вас это вполне устроит?

— Если вы немедля не покинете этот дом, то мой муж предпримет необходимые меры. Правда же, Ярворт? — сказала серая леди.

Серый господин неуверенно отступил на шаг и ничего не ответил.

— Благодарю, мадам. Это все, что я хотел выяснить, — сказал мистер Смит. И, вежливо поклонившись, он тронул талисман и загадал еще одно желание.

Если бы он посоветовался с детьми, они, конечно, сказали бы ему, какими словами лучше всего выразить это желание.

Абсолютный новичок в магии, он не учел в своем желании ничего того, чему они научились на собственной шкуре: ну, например, — чтобы не оказаться слишком далеко, и явиться домой самым естественным образом, и чтобы их мама не заметила ничего из ряда вон выходящего. Он просто пожелал, чтобы они снова оказались дважды там, где их дом.

И вот спустя долю секунды после того, как их мама вошла в пустую гостиную, там, откуда ни возьмись, вдруг появился мистер Смит и четверо детей, рассевшихся на стульях, и это ее более чем удивило.

— Ну и ну! — сказала она. — Я и не видела, что вы здесь сидите. Да и не слышала, как подъехала машина.

Она глянула в окно, и только тогда мистер Смит вспомнил, что его автомобиль по-прежнему стоит на улице Вирджиния. Казалось, целая вечность прошла с тех пор, как его там припарковали.

Он тронул талисман в кармане и быстро загадал новое желание, но все же немного опоздал. Когда мама глянула в окно, то сначала улица была пуста, а потом на ней вдруг возник автомобиль.

Она прижала руку ко лбу и опустилась на стул.

— И вправду надо сходить к врачу по поводу зрения, — сказала она. — Мне по-прежнему мерещатся престраннейшие вещи.

— Это из-за солнца, — сказал мистер Смит. — Сегодня сильно припекает.

— Мне тоже мерещились сегодня утром ужасно странные вещи, — отважился сказать Марк, подмигнув мистеру Смиту и Джейн.

Марта хихикнула.

— Кушать подано, — с кислой миной сказала в дверь мисс Бик, и все двинулись в столовую, где праздничный стол ломился от яств.

Ланч, по мнению детей, прошел великолепно, только их мама, похоже, была немного встревоженной и озабоченной и то и дело прикладывала руку ко лбу, будто пытаясь разгадать какую-то загадку, и это, похоже, в свою очередь, тревожило мистера Смита.

Однако дети были в таком приподнятом настроении, что их мама не могла долго предаваться расстроенным чувствам. И, в частности, поведения Джейн было достаточно, чтобы у любой матери снять груз с сердца.

Джейн была так великодушна по поводу добавки, так готовно и без напоминаний передавала дальше по столу угощенья, так упорно отказывалась в пользу своих родных и близких от последнего лакомого кусочка домашнего торта с меренгами — этого чуда сочности и сладости под шапкой взбитого крема — да и вообще была настолько занята тем, чтобы показать, как ей дорога именно эта семья и никакая иная, что никто не мог поверить глазам своим, ведь все знали совсем другую Джейн — резкую и вспыльчивую.

— Этот талисман явно исправляет людей к лучшему, после того как они хлебнут горя, — прошептала Катрин Марку на ухо.

— Кто болтает за столом, будет завтракать потом, — сказала мама.

— Кэт только сказала мне, что Джейн сегодня одно очарование, — пояснил Марк, еще раз отважившись подмигнуть остальным.

— Да, можно подумать, что перед нами совершенно другой человек, — с неменьшей отвагой отметила Катрин.

Марта хихикнула. К сожалению, должен сказать, что то же самое сделал и мистер Смит.

— Не понимаю, что тут смешного? — спросила мама.

— Абсолютно ничего, — сказали все четверо детей.

— Я просто чувствую, что счастлив, — сказал мистер Смит. — Для меня это настоящая радость. Знаете, я ведь живу один и уже даже и не припомню, когда завтракал в кругу семьи.

Джейн оглядела комнату, цветные картинки на лимонно-желтых стенах, веселые пестрые занавески на окнах, яркие половнички и улыбающиеся лица вокруг стола.

— Как это здорово иметь такую чудесную семью, — сказала она. — Самую лучшую семью на свете!

Затем она улыбнулась мистеру Смиту.

— Думаю, что и вы так думаете, — сказала она.

VII

Как это кончилось

На следующий день спозаранку Марта спросила:

— Кто сегодня берет талисман? Все уже по разу брали. Что будем делать теперь — начнем по второму кругу или загадаем какое-нибудь общее желание?

— Думаю, лучше дать ему денек отдохнуть, — сказала Катрин. — Все-таки сегодня выходной.

Тут же это обдумав, все согласились, что чудеса по выходным — это вроде не совсем правильно. Во всяком случае, может оказаться не совсем правильным, и четверка больше не стала ничего предпринимать — теперь-то они знали, как трудно порой справиться с талисманом.

Так что Катрин провела утро за чтением "Легенд Инголдсби", которые она только-только для себя открыла, а Марк собирал подъемные грузовые краны из деталей конструктора Меккано.

Джейн развлекала Марту, играя с ней в куклы, — подобные игры она обычно презирала, однако на тот момент еще не утратила добрых чувств по отношению к своей семье, что было результатом вчерашнего происшествия. И все же ее истинная натура дала себя знать, и одних кукол в то утро до сердца проколола булавка, а другие были зажарены на вертеле.

Вся четверка дружно ненавидела большие воскресные обеды, так что когда голод приподнял свою ужасную голову, они просто отведали супа и тостов, а после этого прибыл мистер Смит и спросил, не хотят ли они и мама покататься на автомобиле а затем поужинать на природе. Он сказал, что знает для пикника одно замечательное местечко, с речкой и качелями, и лужайкой, и лесом, и у него на ужин целых шестнадцать пакетов с едой из кондитерской Мейнера.

Джейн, Марк и Катрин, и Марта готовы были хоть тотчас в путь.

— Интересно, почему это ужин в пакетах кажется всегда таким вкусным? — сказала Катрин. — Кажется, что там внутри чего только нет. И тебе утиные яйца, и нектар, и самые разнообразные сандвичи, каких и пробовать не доводилось.

А мама сказала, что у нее болит голова, и ей лучше остаться дома. Это на маму было совсем не похоже, и все четверо уставились на нее.

— У тебя ведь никогда не болит голова, — сказал Марк.

— Ты ведь не любишь оставаться дома да еще портить людям праздник, — сказала Катрин.

— Без тебя никакого веселья не получится, — сказала Джейн.

И естественно, в конце концов мама была вынуждена уступить, и спустя несколько минут они двинулись в путь.

Место для пикника оказалось действительно идеальным, как мистер Смит обещал. Марта отправилась на лужайку нарывать зверобоя, но это был не зверобой, а сущий разбойник, и только обстрекал ей руки, а Катрин задумчиво бродила среди деревьев и уверяла, что чуть ли не видела настоящую змею, а Джейн и Марк пробовали соорудить из камней переправу через речку и оба во всей одежде плюхнулись в воду, — в общем, это была типичная семейная вылазка на природу.

Выяснилось, что в пакетах с едой нет ни утиных яиц, ни нектара, но сандвичи были вполне разнообразны, а еще вареные яйца с пряностями, картофельный салат и множество маленьких пирожных под названием ассорти, которые вызвали у детей особый интерес, — ведь надо было решить, какие из них самые вкусные, а прочие сбыть с рук.

Поужинали возле костра, который искусно сложили Марк и мистер Смит, а потом пели песни, рассказывали разные истории и прочее и тому подобное, и было уже много позже девяти, когда они снова сели в машину и в кромешной тьме покатали домой.

И все четверо были настолько уставшими и счастливыми, и загоревшими, и сонными, что тут же без лишних слов отправились по своим кроватям.

Марта же — и это бывает — так устала, что долго не могла уснуть, и ей показалось, что мистер Смит не сразу уехал домой, а все сидел и сидел, ведя какой-то бесконечный разговор с мамой.

И много позже, проснувшись среди ночи, видимо, от того, что объелась пирожными, Марта как будто бы слышала мамин плач.

Чего, конечно, не могло быть. Марта никогда не слышала, чтобы мамы плакали, во всяком случае только не их мама, всегда такая счастливая, и сильная, и занятая, и умная — настоящая гордость толедской Ньюз-Би!*

Марта на цыпочках подошла к двери и прислушалась, но теперь, похоже, все было тихо. Она с облегчением решила, что ей просто послышалось, и, вернувшись в постель, снова заснула.

Но утром за завтраком мама была такой молчаливой, бледной, с усталыми глазами, что Марта снова забеспокоилась.

После завтрака, когда мама ушла на работу, Джейн, вся еще в лучезарном сверкании новообретенной привязаности к своей семье, вызвалась добровольно, без какой бы то ни было помощи, вымыть посуду, и этот прекрасный поступок настолько затронул лучшие чувства Марка и Катрин, что они настояли на том, чтобы помочь ей.

Марта последовала за ними на кухню и уселась там, глядя на них и размышляя, не слишком ли преувеличены ее тревоги по поводу мамы, чтобы стоило поделиться ими.

— Кто-нибудь из вас хоть осознает, что мы уже целую неделю живем с талисманом? — сказала Джейн, соскребая крошки тостов с тарелок и погружая тарелки в мыльную воду.

* В переводе с английского — "Пчелиные новости".

— Правда? — сказала Катрин. — А мне казалось, что он у нас по крайней мере несколько месяцев.

Марк стал считать:

— Пожар был во вторник, пустыня была в среду, Ланселота мы встретили в четверг, в кино ходили в пятницу, Джейн попала в другую семью в субботу, отдых был в воскресенье.

— А сегодня понедельник, — сказала Джейн. — Седьмой день. Где-то я читала, что семерка — это магическое число. Может, сегодня нас еще ждет самое большое желание.

— Если подумать, то пока у нас никакого такого особенного желания не получилось, — сказал Марк. — Была куча всяких приключений, но сами мы ничуть не изменились, мы такие же, как и до талисмана.

— Почему, у нас характер исправился, — сказала Катрин, — и я думаю, что мы стали немного счастливей.

— Не думаю, что мама стала счастливей, — сказала Марта.

Три головы повернулись к ней и три голоса спросили:

— Что ты имеешь в виду?

Но не успела Марта ответить, как в холле зазвонил телефон.

Марк первым взял трубку.

— Алло? — сказал он. — А, угу! — повернулся он к остальным. — Это мистер Смит.

— Дай мне, — схватила трубку Джейн.

— Это нечестно! — пожаловалась Марта Катрин. — Мы так старались, чтобы он ей понравился, а теперь можно подумать, что он ее собственность.

— Хорошо, — взволнованно говорила в трубку Джейн. — Да, хорошо. Мы будем. Да, прямо сейчас!

Она бросила трубку и обернулась к остальным — вид у нее был важный и серьезный:

— Совещание большого Совета! В книжном магазине через двадцать минут. Траты на такси будут возмещены. Мы наскребем необходимую сумму?

Минувшая неделя была почти полностью отдана в распоряжение волшебных дел, так что наличность оказалась практически нетронутой — с нею было все в порядке.

— А талисман возьмем? — поинтересовалась Марта.

— Естественно! О чем же еще может идти речь на экстренном Совете, — сказала Джейн, испепеляя всех взглядом.

Катрин вытащила талисман из заветного местечка и, подождав, пока мисс Бик на что-нибудь отвлечется (чем-нибудь был человек, пришедший проверить газовый счетчик), все четверо незаметно выскочили на крыльце и пробежали два квартала вверх по улице Банкрофт, где можно было остановить такси, так чтобы мисс Бик не увидела их из окна и не предприняла бы каких-нибудь мер.

Казалось, что они целую вечность будут добираться до центра, но так только казалось, и уже через десять минут они торопливо входили в книжный магазин.

Мистер Смит поднялся из-за прилавка и подошел поприветствовать их. Он был чем-то смущен.

— Привет, — сказал он. — Вы приехали быстрее, чем я ожидал. Садитесь, пожалуйста. Мне нужно кое-что вам сказать.

Дети оглянулись, но на всех стульях лежали груды книг, поэтому они остались стоять. Похоже, мистер Смит этого не заметил. Он прокашлялся, явно волнуясь, вынул из кармана носовой платок, снова его спрятал и уставился в пол.

— О, Господи, как же это трудно, — сказал он. — Полагаю, что для начала мне помогло бы, если бы, например, вы стали называть меня не мистер Смит, а просто Роланд.

Джейн передернула плечами:

— Я не смогу.

— Какое ужасное имя, — сказал Марк, всегда отличавшийся прямолинейностью.

— Может, мы его подсократим? — предложила Катрин. — Рол — это уже много лучше.

— Я буду звать его Роль, — словно самой себе сказала Марта. — Так или иначе мне совершенно ясна его роль в нашем будущем, если только вам понятно, к чему все идет. Разве не понятно, что он собирается стать нашим... — эти слова она выпалила одним духом, а последнее слово произнесла свистящим шепотом, так что оно достигло самых отдаленных уголков магазина, — отчимом!

Мистер Смит тоже все услышал и щеки его порозовели.

— Так вы знаете! — сказал он. — А я тут мучился, как же мне это вам открыть. Да, все верно. Я проникся к вашей маме глубоким чувством и предложил ей стать моей женой.

— Мы знали, что вы так и поступите, — сказала Марта.

— Рано или поздно, — сказал Марк.

— Мы считаем, что это замечательно, — сказала Катрин.

— Я в первую очередь, — сказала Джейн.

— Спасибо, — сказал мистер Смит. — Все вы очень хорошие ребята и для меня гордость и счастье быть вашим отчимом, и вы можете звать меня Роль, или как вам заблагорассудится.

— Дядя Роль, — сказал Марк. — Звучит вполне солидно.

— Остается только одна проблема, — сказал мистер Смит.

— Что, мама против? — спросила Катрин. — Не можете ей угодить и она стесняется?

— Хотите, я пойду и уговорю ее, — предложил Марк, — я это умею, правда.

— Я скажу маме, что, по-моему, ей очень повезло как женщине, что она подцепила вас! — сказала Марта.

— Только не говорите ей ничего подобного, — в тревоге воскликнул мистер Смит, снова порозовев, — пожалуйста, умоляю вас! Все не так. Ваша мама призналась, что она, кажется, тоже питает ко мне ответные чувства. Но вчера вечером она совершенно недвусмысленно сказала мне "нет". Причина же в том, что она считает себя незддоровой. Психически незддоровой. Почему? Об этом вы сами можете догадаться.

— Она ведь заметила все эти наши фокусы, — сказала Джейн. — Как мы, например, появляемся из ниоткуда и всякое прочее.

— А еще это ее полужелание, когда она случайно встретилась с вами на улице Банкрофт, — сказала Катрин.

— И еще я с этими бриллиантами и ворами, — сказал Марк.

— Тогда я на самом деле слышала, как она плакала прошлой ночью, — сказала Марта.

— О, Боже! Плакала? — сказал мистер Смит.

— Плохо дело, — сказал Марк.

— И все по нашей вине, — сказала Катрин.

Все четверо помрачнели. Затем лицо Джейн прояснилось.

— Все нормально. Это можно уладить, — сказала она, — нет ничего проще. Мы просто во всем признаемся. Мы все ей расскажем от начала до конца.

— Думаете, она поверит? — сказал мистер Смит. — Не забывайте, что ваша мама — человек очень трезвых взглядов.

— И очень упрямая, — добавила Катрин.

— Мы могли бы все это ей наглядно продемонстрировать, — не очень уверенно сказал Марк.
— Мы могли бы с помощью талисмана куда-нибудь ее отправить.

— Вот именно! — засверкала глазами Джейн. — Пусть загадает, и мы дадим ей все, что только ее душа пожелает! Это будет самое лучшее из наших дел! Да что время терять — давайте прямо сейчас и начнем!

— Надо быть очень осторожными, — сказал мистер Смит. — Не лучше ли сначала все хорошененько обсудить?

Но его слова пропали даром. Талисман был у Джейн, и она тут же, в азарте, не думая о последствиях, загадала желание.

И в следующий момент они уже были на работе у мамы.

Мама была редактором "Женского клуба" газеты, а это означало, что именно она и пишет все эти маленькие заметки, в которых сообщается, как одна леди собирается в гости к другой леди и что она там собирается съесть.

Это была не самая важная работа, и комнатка у мамы была крошечной, в настоящий же момент комнатка была почти полностью занята одной толстой леди, что рассказывала в подробностях про пир на весь мир, который она собиралась закатить в пользу Лиги Лиших Женщин.

Так что когда Джейн, Марк и Катрин, и Марта, и мистер Смит неожиданно оказались все вместе в ее комнатке, то это была уже настоящая толчая.

— Ой! — побледнев, воскликнула мама, когда перед ее взором, откуда ни возьмись, возникли столь хорошо знакомые ей пять персон. — Вот, опять началось.

— И правда! — сказала толстая леди, обращаясь к Джейн и Катрин, и Марте, которых тесно прижало к ней. — Перестаньте толкаться!

— Простите, но у нас на вас сейчас нет времени, — сказала Джейн толстой леди. И она пожелала, чтобы леди дважды оказалась там, откуда явилась.

Леди была весьма раздосадована, внезапно оказавшись у себя дома на кухне, и позднее подала в суд на газету, обвинив ее в колдовстве. Но она так и не смогла ничем подтвердить то, что с ней произошло, во всяком случае, это не имеет отношения к данной истории.

А тем временем мама с бледным видом сидела в своем крошечном кабинетике, глядя туда, где только что находилась эта леди.

— Не волнуйся, все нормально, — сказала ей Джейн. — Мы знаем, о чем ты сейчас думаешь, только ты ошибаешься. Мы тебе все объясним.

— То, что тебе казалось, что ты ненормальная, — это наших рук дело, — сказала Марта.

— Мы нашли волшебный талисман, — сказал Марк.

— Он уже неделю у нас, только мы тебе ничего не говорили, — сказала Катрин. — Мы думали, что ты для него слишком взрослая.

— А в тот вечер ты отправилась в гости к тете Грейс и дяде Эдвину и тебе захотелось домой, и так оно вышло, — сказала Джейн. — Только наполовину, потому что именно так талисман и действует. Вот почему ты повстречалась с мистером Смитом. Что доказывает, какой это хороший талисман, потому что мы считаем, что мистер Смит прекрасный отчим и ничуточку не Мёрдстоун, и мы признали его за нашего дядю Роля и считаем, что тебе надо немедленно выходить за него замуж!

Мама с укоризной посмотрела на мистера Смита.

— Так вы им все передали! — сказала она. — И они устроили все это, чтобы я поправилась. Как вы смели?

— Да нет, все совсем не так, — сказала Джейн. — У нас действительно есть талисман. Вот, посмотри. — И она положила талисман в материнские руки.

— Это никель, — сказала мама, — десять пенсов.

— Сначала я тоже так подумала, — сказала Джейн, — но это не монета. Посмотри, здесь какие-то очень странные знаки. Только загадай желание, и сама убедишься. Загадывай, что душа пожелает. Или погоди, я покажу тебе, как это делается. — И она коснулась талисмана, лежащего на материнской руке.

— Я желаю... — начала она, пытаясь придумать что-нибудь простое и безобидное, и в то же время необычное. — Я желаю, чтобы в окно влетели бы две птички и заговорили бы с нами.

И тут же в открытое окно влетела синичка и села на столе.

— Привет! — сказала она и улетела.

Глаза мамы были крепко закрыты.

— Скажи, чтобы она улетела, — попросила она.

— Уже улетела, — сказала Марта.

Мама снова открыла глаза.

— Вот и подтверждение, — сказала она. — Именно этого я и боялась. Мои мозги не в состоянии переварить столько информации и они тронулись.

— Да что вы, — сказал мистер Смит. — Зря вы так волнуетесь.

Но Марк перебил его.

— Ну и ну! — сказал он сердито Джейн. — Это же надо — придумать, чтобы прилетели птички и заговорили бы с ней! Тут не хочешь, да рехнешься! Разве это похоже на то, что душа может пожелать? Разве ты не помнишь, как мама всегда говорила, что хочет стать редактором отдела городских новостей. А ну-ка, дай-ка! — и он взял у Джейн талисман.

— Осторожно! — сказал мистер Смит.

— Не волнуйтесь. Я знаю, что надо сказать, — заверил его Марк. И загадал желание.

В комнатке появился владелец газеты.

— Моя дорогая леди, — сказал он. — У вас такой счастливый вид в кругу членов вашей маленькой семьи!

Мама скорбно посмотрела на него и ничего не сказала.

— Интересно, какой частью маминой маленькой семьи считается мистер Смит? — хихикнув, прошептала Катрин на ухо Марку.

— Тише! — сказал Марк.

— Мы осуществляем некоторые перемены в нашей структуре, — продолжал владелец газеты, — и я рад сообщить вам, что с настоящего момента вы можете считать себя редактором отдела городских новостей. Со значительной прибавкой в окладе.

— Нет-нет, — сказала мама, упрямо мотая головой. — Это неправда. Это просто какой-то ужасный бред сумасшедшего. И вы тоже не реальный человек. Вы просто... просто плод моего воображения.

— Как это так? — недовольно сказал владелец газеты. Очевидно, ему не понравилось, что его назвали плодом.

— Ой, мам, не волнуйся, — сказал Марк. — Просто прими, как есть. Разве ты не помнишь, как сама всегда говорила, что одной левой можешь выпускать газету лучше, чем все эти сонные мухи, которые здесь работают?

— Да как вы смеете так говорить?! — сурово сказал владелец газеты. — В таком случае я беру свои слова обратно. А вам лучше поискать себе работу в каком-нибудь другом месте! — И он с достоинством удалился.

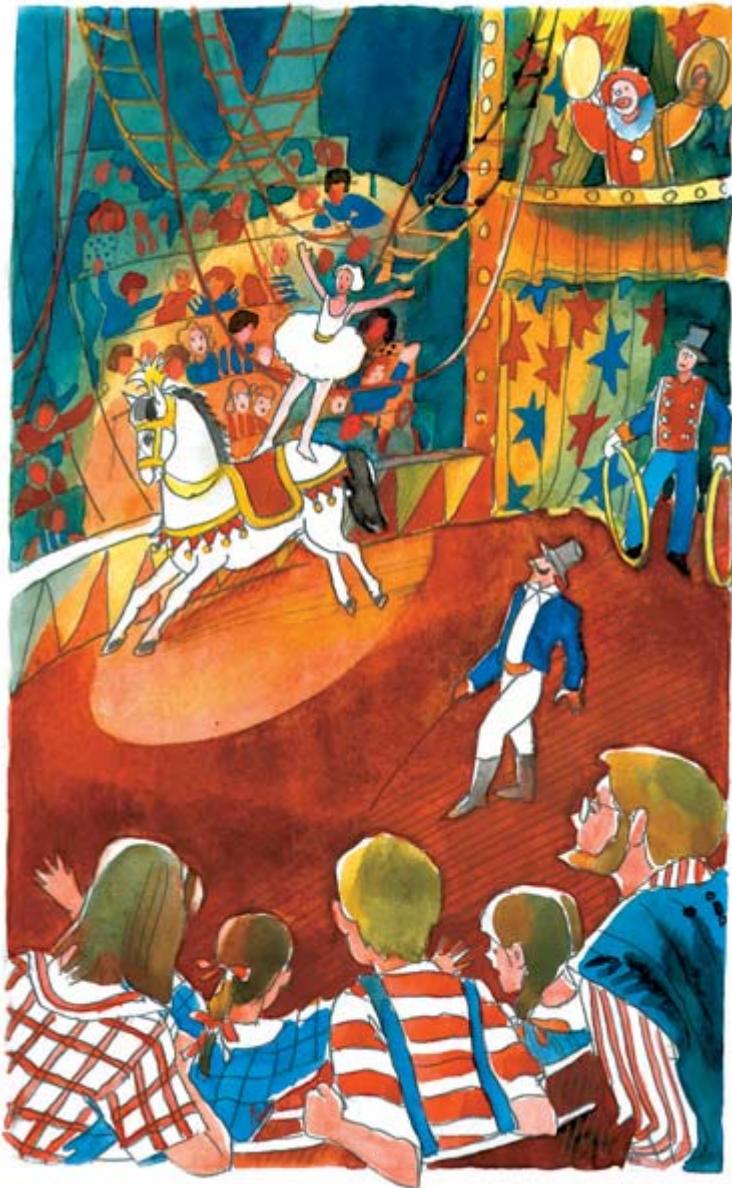
— Все пошло хуже некуда! — простонала мама. — Теперь я потеряла работу. А он всем расскажет, что я свихнулась и что у меня завихрения, и будет прав, потому что так оно и есть.

— Ничего страшного, — успокаивала ее Катрин. — Марк просто ничего не знал. Да и не мог знать, потому что только я одна знаю твое сокровенное желание. — Она обернулась к остальным. — Однажды мне мама сказала, что когда ей было столько лет, сколько нам, она хотела быть цирковой наездницей. — И Катрин взяла талисман.

— О, Господи, я не думаю, что... — начал было мистер Смит. Но не успел он закончить фразу, как Катрин уже загадала желание, и мистер Смит обнаружил, что сидит с четырьмя детьми в первом ряду под огромным шатром цирка, а ведущий на манеже щелкает в этот момент кнутом и объявляет, что лучшая в мире наездница Ля Глория исполнит сейчас свой смертельный номер.

Зазвенели медные тарелки и на арену на белой лошади выехала Ля Глория. Это была их мама. Только в розовом трико и юбочке с оборками она была вовсе не похожа на себя. Да и вела себя совсем иначе.

Изящно и стремительно она проскаcala на лошади по кругу и бесстрашно и красиво прыгнула вместе с лошадью сквозь несколько обручей. И что детей больше всего встревожило — что скачка и прыжки, похоже, доставляли ей удовольствие.

— Оп ля! — вскрикивала она. — Але оп! Марш!

— Остановите ее! — взмолилась Марта. — Она упадет! Она расшибется! — И, перепрыгнув через барьер, она выбежала на середину арены, а за ней — Джейн и Марк, и мистер Смит. Забыв, что в руке у нее талисман, выбежала и Катрин. Ля Глории пришлось натянуть уздечку, чтобы лошадь не налетела на них.

— Прочь с дороги! Не надо портить мне номер! — высокомерно сказала она.

— Какой ужас! Она нас не знает! — воскликнула Марта.

— Знает, конечно. Правда же? — сказала Джейн.

— Не знаю и знать не желаю! — сказала Ля Глория. — Прочь с дороги! Представление должно продолжаться!

— Зачем? — сказал Марк, который всегда был непрочно поспорить.

За их спинами зрители на трибуне стали волноваться.

— Я считаю, что тех, кто мешает другим развлекаться, надо выдворять вон! — сказала какая-то леди в первом ряду.

— Вы правы! — сказала леди рядом с ней. — Их надо сначала выдворить, а потом выбросить!

По рядам прошел сердитый ропот.

— А ну там, впереди, сядьте! — завопил кто-то.

— Сматывайте удочки! — завопил кто-то другой.

Щелкая кнутом, подошел ведущий.

А затем, поскольку дальнейшее, кажется, грозило неприятностями, Катрин взяла свое желание назад, и они снова оказались в комнатушке редакции.

Мама сидела за письменным столом и на ее отсутствующем лице была мечтательная улыбка. Катрин встревоженно повернулась к ней.

— Ну что, убедилась? — сказала она. — Теперь-то ты веришь?

Мамина улыбка исчезла. Вместо нее на лице выразилось упрямство.

— Ничего этого не было, — сказала мама. — Это был сон.

— Тогда откуда же мы о нем знаем? — сказала Катрин.

— А вы и не знаете, — сказала мама. — Вы не можете знать.

И как бы дети ни старались, ничто не могло ее переубедить. Спустя минут пять такого бесплодного разговора они стали тяжело дышать и почти отчаяваться.

Наконец мистер Смит сказал:

— Можно я все объясню, если только вы меня выслушаете?

Но Марта его перебила:

— Если бы меня спросили, то я бы сказала, что от всех этих чудес нет никакого толку, потому что она не верит в чудеса, а мы так ничего и не сделали, чтобы она поверила.

Все остальные посмотрели на нее.

— И верно, — сказал Марк.

— Устами младенца глаголет истина, — сказала Джейн.

— Как же мы об этом не подумали? — сказала Катрин. — Конечно же, в чудеса надо верить, иначе от них только рассудок может помутиться.

— Вот именно, — сказал мистер Смит. — Так что я предлагаю...

Но талисман был в руке у Марты.

— Ой, мама! — сказала она с самыми искренними намерениями. — Дорогая наша мама, как хорошо, если бы ты не была такой упрямой! Я хочу, чтобы ты поверила нашим словам. Дважды этого хочу.

— Ну конечно, дорогая, я верю тебе, — сказала мама.

— И ты веришь в волшебный талисман?

— Конечно, дорогая, раз ты так говоришь.

— И все отлично и ты выйдешь замуж и будешь жить долго и счастливо?

— Как скажешь, дорогая.

— Вот так, ясно! — торжествующе повернулась к остальным Марта.

Но Марк смотрел на маму с подозрением.

— Что-то не то, — сказал он. — Это совсем не похоже на нашу маму.

— Ой, ведь непохоже, правда же, дорогой? — сказала мама.

— Нам не нужна мама, которая все время со всем соглашается.

— Вам не нужна, дорогой, правда же? — сказала мама. — Мне тоже.

— Теперь понятно, что я имею в виду? — спросил Марк. — Выходит, если я поклянусь, что луна сделана из зеленого сыра, то мама скажет: "Да, дорогой, я это знаю, дорогой".

— А разве не так? — спросила мама. — Я абсолютно с тобой согласна, дорогой.

Теперь и остальные встревожились не на шутку.

— Это ужасно! — воскликнула Джейн, обращаясь к Марте. — Ты сделала нашу маму какою-то ужасно глупой и бестолковой, и без всякого понятия. На такой мистер Смит ни за что теперь не женится.

— Ой, ведь не женится, правда же? — удовлетворенно сказала мама. — И я тоже не выйду замуж.

Повисла мертвая тишина.

— А теперь, — строго сказал мистер Смит, — может, вы позволите мне сделать одно предложение?

И никто не осмелился возразить.

Мистер Смит решительно взял у Марты талисман.

— Я предлагаю начать все сначала, — сказал он, — и предлагаю не так торопиться. И сначала думать, а уж потом действовать. — И он торжественно вытянул перед собой руку с талисманом, будто находился чуть ли не на церковной паперти.

— Я желаю, чтобы Элисон снова стала бы самой собой — естественной, упрямой и очаровательной — и я желаю этого дважды. Далее я желаю, чтобы ее сознание, не утратив ни капли естественности, упрямства и очарования, постигло бы тайну этого талисмана, и этого я тоже желаю дважды. И в-третьих, я желаю, чтобы она дважды освободилась бы от страха, испытанного в связи с волшебным действием этого талисмана, и дважды была бы готова к добру, которым он может ее одарить.

И снова стало тихо. Затем мама оглядела всех и улыбнулась. И было совершенно очевидно, что все дикое и нелепое, произошедшее после того, как дети и мистер Смит появились в ее комнатушке, что все это испарилось из ее памяти.

— Привет! — сказала она. — Как это мило, что вы пришли. Какой приятный сюрприз.

— Мы пришли, — сказал мистер Смит, — сделать вам подарок. — И он положил перед ней на стол талисман. — Это волшебный талисман, и он действует наполовину. Дважды загадайте любое желание и вы получите его единожды. Это от всех нас с любовью. Вот. Какое у вас самое сокровенное желание?

— Но ведь вы его знаете, — сказала мама, не притрагиваясь к талисману. — Мое сокровенное желание — стать вашей женой, и чтобы мои дети любили вас так же, как я люблю. И чтобы я больше не работала в газете и чтобы я сама, а не мисс Бик, имела возможность заботиться о детях. И чтобы лето мы с детьми проводили за городом, они этого так хотят. И чтобы вы сбрали свою бородку.

— Правда? Она вам не нравится? — удивился мистер Смит. — С годами я к ней так привязался. Не представляю, как это я буду без нее. Но коли таково ваше желание, я сделаю все возможное, чтобы его исполнить, если вы станете моей женой. И без всяких там талисманов. Богаты мы не будем, поскольку владельцы книжных магазинов редко бывают богаты, но лето в деревне, думаю, я могу организовать.

Он взял маму за руку и они стояли, глядя друг на друга.

— Ты не хочешь загадать желание? — после некоторой паузы спросила Катрин.

— А зачем? — сказала мама. — Наше счастье у нас в руках.

— Фух, — разочарованно сказала Катрин.

Лица у всех четырех детей вытянулись. Еще никогда в их жизни не было такого провала. Однако спустя мгновенье Катрин просияла.

— Но, во-первых, именно желание вас и соединило, — сказала она, — а еще одно желание позволило вам снова встретиться. Так или иначе именно из-за талисмана все и получилось!

— Может, он для того и появился в нашей жизни, чтобы сделать одно большое и важное дело, — сказал Марк.

— Ты хочешь сказать, что он, может, уже истратился и больше не будет действовать? — встревожилась Марта.

— Ой, к тому же сегодня седьмой день! — воскликнула Джейн. — Может, чудеса уже закончились! — Она схватила талисман и повернулась к мистеру Смиту. — Я не хочу встревать и я уверена, что вы и сами могли бы в поте лица своего исполнять сокровенные желания мамы, — сказала она, — но на всякий случай я все же пожелаю, чтобы ее желание дважды исполнилось.

Мистер Смит вскрикнул и пошлепал ладонью по тому месту, где прежде у него была бородка. Позднее дети согласились, что без нее он выглядит весьма привлекательно.

В данный же момент они этого не заметили, потому что в данный момент происходили совсем другие вещи.

Им почудилось, будто в комнатке неожиданно возникло какое-то сияние и зазвучало отдаленное пение, и едва слышно зазвонили колокола. А в воздухе разлился аромат то ли корицы, то ли ванили, то ли дыхание всех садов на земле, а скорее — все это вместе, и кроме того — что-то еще. Это был дух чуда.

И их мама и мистер Смит стояли, глядя друг на друга, и не видели сияния, не слышали пения, не обоняли разлитых вокруг ароматов, потому что все, что они видели, было светом их глаз, и все, что они слышали, — было биением их сердец, и все, что они чувствовали, было их любовью.

И мало-помалу и сияние, и пение, и аромат исчезли.

— Думаю, что это и вправду было последнее желание, — сказал Марк. — Раньше колокола никогда не звонили и не пахло так, как в парфюмерном магазине.

— Что ты сказал? — спросила мама.

— Я сказал, что, по-моему, это было последнее желание, — сказал Марк. — Последнее желание, которое выполнил талисман.

— Какой талисман? — сказал мистер Смит.

Они все забыли. Теперь, когда осуществилось их самое сокровенное желание, они больше не нуждались ни в каких иных чудесах. Они повернулись и вышли из редакции, и дети последовали за ними.

Джейн все еще держала в руке талисман, однако впервые за всю свою коротенькую, но полную событий жизнь, дети были абсолютно убеждены в том, что, выполнив последнее желание, талисман утратил способность творить чудеса, а потому с увлекательными приключениями покончено навсегда.

— И тем не менее, — уже на улице сказал Марк, как будто выражая вслух то, о чем все они думали, — тем не менее мы можем его проверить и посмотреть, что будет. Пожелайте что-нибудь. Хотя бы какую-нибудь ерунду.

— Хорошо, я желаю, чтобы у меня было четыре носа, — сказала Джейн.

Остальные посмотрели на нее. Но то, что имелось у Джейн посреди лица, — маленькое и несколько вздернутое — так и осталось в единственном числе.

— Вот и ответ, — сказал Марк. — Прощай, талисман! — Однако голос его прозвучал вполне бодро.

— Я считаю, что он появился, чтобы сделать нас счастливыми, — сказала Катрин. — И теперь мы счастливы.

— А разве до того мы не были счастливы? — спросила Марта.

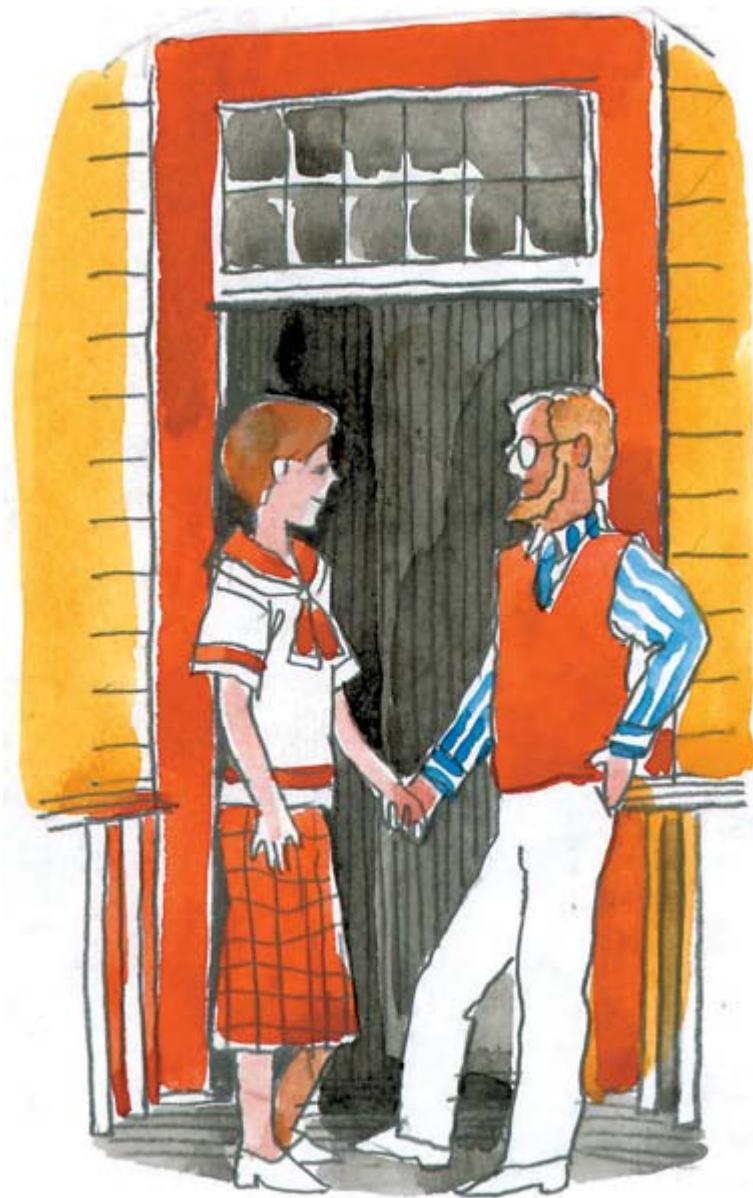
— Были, конечно, в каком-то смысле, — сказал Марк. — В том смысле, что одни люди счастливы, а другие несчастливы, потому что такими они родились. Но мы хотели, чтобы куча всего изменилась, и теперь все изменяется.

— Больше не будет никакой мисс Бик! — сказала Катрин.

— Лето за городом! — сказала Джейн. — И практически безупречный отчим! А знаете, что? — добавила она, вдруг почувствовав себя почти замечательно, — похоже, что и наше сокровенное желание исполнилось!

И все же она не выбросила никому не нужный стершийся талисман. И когда все поднажали, чтобы догнать маму и мистера Смита, она чуть задержалась, чтобы аккуратно положить талисман в свою сумочку.

Пусть еще полежит у нее, на всякий случай.

VIII

Как это началось снова

И получилось так, что под конец было исполнено еще одно желание.

Последнее желание было желанием одной Джейн, и она так и не узнала, что загадала его.

В ту ночь, раздеваясь, она обнаружила в кармане талисман и долго сидела на постели, глядя на него и размышляя о том, каким образом эта магическая вещь попала им в руки и почему.

Далее она стала думать о том, что их мама выходит замуж, и какие перемены это внесет в их жизнь.

Она была вполне удовлетворена всем. Но поскольку Джейн была единственной из всех детей, кто помнил отца, то она испытывала бы гораздо большее удовлетворение, если бы была уверена, что он знает о происходящем и одобряет его.

День был такой насыщенный, что она уже почти засыпала. Глаза ее сами собой закрывались. Но когда она, выключив свет, машинально сунула талисман под подушку, то последняя ее мысль перед сном была об отце — вот если бы он был сейчас с ней, тогда бы она узнала, как он относится ко всему этому.

При этом она не подумала ни о талисмане, ни о том, как бы поточнее выразить свое желание. Но поскольку в самом дальнем уголке ее души все же оставалось немного грусти, то талисман сжался над ней, превозмог свое холодное безразличие и опустошенность и даровал Джейн то, что она пожелала — только, конечно, в своем обычном духе. И тут же наполовину явился ее отец.

Он явился как мысль в сознании Джейн и уверил дочь, что все очень хорошо, именно так, как он и хотел бы, и что он счастлив, поскольку они счастливы.

И прекрасное чувство покоя наполнило ее сердце, и она заснула с улыбкой на губах.

Утром она уже совершенно забыла про это свое желание. Она знала только, что солнце желтое и теплое, а небо голубое, и что ее ждет прекрасное будущее, и что окружающий мир в полном порядке.

Убирая постель, она нашла под подушкой талисман и положила его в верхний ящик шкафа, сказав себе, что надо будет посоветоваться с остальными о том, что же с ним делать дальше.

Но затем все были настолько заняты подготовкой к свадьбе, что Джейн так ни с кем и не посоветовалась.

Наконец день свадьбы настал, и счастлива была невеста, вся в солнечных лучах, и счастливы были дети. И после того, как мистер Смит и их мама были наречены мужем и женой, мистер Смит пожал всем руки, а мама со всеми поцеловалась, и они на неделю отправились в свадебное путешествие, и пришла мисс Бик, чтобы напоследок присмотреть за детьми, и командовала ими целых семь дней и гремела, и стучала, и начищала, и ворчала, пока их жизнь не превратилась в сущий ад, и утешало детей только то, что через семь дней их ждет желанная свобода.

И наконец эти семь дней кончились, и вернулась мама вместе с мистером Смитом, и дети, высунувшись из окон второго этажа, пропели "Прощайте навеки!", когда мисс Бик отбыла насовсем.

Тут-то мама и сказала им, что мистер Смит на остаток лета снял дом на берегу озера, и там вокруг настоящая природа, и главное — вовсе недалеко от его книжного магазина, так что он каждый день сможет ездить туда на машине.

С этого момента все, по словам Катрин, завертелось-закрутилось, и если детей не брали в центр, чтобы купить купальники и фотопленку, и воланы для бадминтона, и мячи для пляжа, то они отправлялись в библиотеку взять новые книги или же паковали свои старые, добрые, потерянные чемоданы, а еще более добрые — те новые, что купил им мистер Смит.

И только утром за день до отъезда Джейн, вытряхивая содержимое из верхнего ящика своего шкафа, снова нашла талисман.

Тут же она собрала Совет.

— Может, нам его сохранить, вроде как на вечную память? — предположила она.

— Положи его в шкафчик с редкостями к прочим предметам искусства, — захихикала Катрин.

— Может, лучше его еще раз проверить? — сказала Марта. — Может, до этого он просто устал, а теперь уже хорошо отдохнул?

— Ха-ха! — мотнул головой Марк. — Последнее желание было его кончиной. Я бы так сказал.

И прочие согласились, что сказать так можно. Но Марта все еще не сдавалась.

— Ну и что? — сказала она. — Пусть для нас он истратился, но разве он не мог бы еще отлично послужить другим людям?

Это была потрясающая мысль.

— А что, — сказал Марк. — В этом есть смысл. Ему с его магией целые века были нипочем, так что вряд ли какие-то четверо детей смогли бы обратить его в пыль.

Джейн взволнованно кивнула:

— Ты хочешь сказать, что теперь мы должны его передать кому-то?

— Какому-нибудь нашему знакомому? — задумалась Катрин.

— Мы могли бы расхаживать повсюду вроде добрых фей и раздаривать желания, — сказала Марта.

Марк покачал головой:

— Так не пойдет. В этом случае нам бы захотелось объяснять каждому, что именно он должен пожелать. Это все равно что самим снова использовать талисман, по второму заходу. Думаю, что это было бы против правил. Талисман попал к нам неизвестно откуда и, думаю, что туда он и должен снова отправиться. Думаю, надо сделать так, чтобы его кто-нибудь нашел, и тогда мы навсегда выбросим его из головы.

И остальные вынуждены были признать, что это как раз очень похоже на благородный поступок, которого от них и ждет талисман.

Так что спустя пять минут дети вылезли из такси в незнакомом районе и встали, озираясь по сторонам. Чувствовали они себя, как крестоносцы, несущие истину.

Мимо них проходило много людей, но все они были взрослыми.

— А я думаю, что это должен быть ребенок, — сказал Марк. — Большинство взрослых ничего не поймут, если только они не такие же удивительные, как мистер Смит, а такие, как мистер Смит, попадаются далеко не на каждом углу.

Наконец они заприметили маленькую девочку, идущую им навстречу. Маленькая девочка вела карапуз. Карапуз был крошечный и толстый — он еще только учился ходить и едва передвигался. Когда девочка приблизилась, дети увидели, что лицо у нее хоть и приятное, но бледное и уставшее.

— У нее такой вид, что ей бы не помешало немножечко счастья, — сказала Катрин.

Остальные кивнули.

Поэтому Джейн уронила талисман на тротуар, выбрав такое местечко, где он бы блестел под солнцем и привлекал бы внимание, а сама она вместе с Марком и Катрин, и Мартой спряталась в ожидании за довольно чахлым кустом бирючины.

— Ну, давай, Бэби, побыстрее, — услышали они голос маленькой девочки. Но Бэби не торопился. Он пошел еще медленнее, осторожно ставя каждую ножку, а затем взглядывая на нее, дабы удостовериться, что та опустилась на твердую почву. Когда карапуз в третий раз глянул вниз, он увидел талисман.

Перед потрясенным взором четырех детей карапуз с трудом поднял талисман и уставил на него. Далее же произошло самое худшее, что только можно было себе представить. Малыш сунул талисман в рот и проглотил.

За кустом дружно охнули.

— Как вы думаете, талисман совсем пропал или он снова появится? — спросила Марта.

— У этой узенькой красненькой дорожки нет поворотов, — заметила Катрин.

— Теперь, я полагаю, Бэби чего-нибудь пожелает, — сказала Марта. — Как вы думаете, что именно?

— Возможно, что-нибудь ужасное, — сказала Джейн. — И никто ничего не поймет и не сможет ему помочь, потому что он не умеет говорить и ничего не расскажет.

— Не беспокойтесь, — сказал Марк. — Наверно, это будет что-нибудь про детское питание или вроде того.

Но пожелал вовсе не Бэби. Потому что измученная маленькая девочка, устав от такой медленной прогулки, взяла малыша на руки.

— Дорогой мой Бэби, — сказала она. — Как бы мне хотелось, чтобы ты не был таким тяжелым. Как бы мне хотелось, чтобы ты вообще был невесомым.

И поскольку на руках у нее был ребенок, в котором был талисман, то тут же снова начались чудеса.

Если бы ее желание было полностью выполнено, то малыш, естественно, покинул бы землю и улетел бы прямо в космос. Но талисман проделал свой обычный трюк, и малыш стал весить ровно наполовину больше, чем в невесомости, а это все же очень мало. Он выскользнул из рук девочки, взлетел вверх, а затем плавно, как пушишка, поплыл вниз.

Девочка поймала его, но он снова взлетел. Девочка начала плакать.

— Надо ей все объяснить, — сказала Катрин.

— Подожди, — сказал Марк.

И они задержались за кустом. А взлечение сделало свое дело. Когда девочка в третий раз поймала малыша, у него изо рта выскочило что-то блестящее и со звоном упало на тротуар. Девочка увидела блеск и услышала звон. Она опустила малыша и подняла талисман.

Она стояла и глядела на него. Затем она оглянулась на малыша, который перестал взлетать и сидел на тротуаре, сунув в рот палец.

А затем, и это было ясно, как день, четверо детей увидели, что девочка принялась думать и смекать. Лицо ее выразило крайнее удивление и возбуждение — такое выражение бывает у того, кто готов загадать волшебное желание.

Именно в этот момент Марк, всегда отличавшийся здравым умом, потащил остальных прочь.

— Разве мы не должны открыть ей секрет? — сказала Джейн. — Насчет того, что нужно попросить обо всем в двойном размере.

© И.Ю.Куберский, перевод, 1993–2009

© Издательство "Балтийская книжная компания", оформление, иллюстрации, 1997–2009

© kubersky.spb.ru, 2008–2009

— Но нам ведь этого никто не говорил, — сказал Марк. — Думаю, что и не нужно.

Он даже не позволил им оглянуться, когда они садились в такси.

— А то еще вдруг мы чего доброго превратимся в соляные столбы^{*} или еще во что-нибудь, — сказал он. — Думаю, что мы ничего не должны знать. Так я чувствую.

Но Марта не могла удержаться от того, чтобы не выяснить, что же там все-таки происходит в данную минуту. И улучив момент, когда Марк за ней не следил, она обернулась.

Девочка и малыш исчезли. И в какое они отправились приключение — об этом Марта могла только гадать. Этого она никогда не узнает. И будет думать об этом всю свою жизнь.

Но она думала и еще кое о чем. Когда они проехали несколько кварталов, она высказала свои мысли вслух.

— Как вы думаете, у нас еще будут волшебные приключения? — сказала она. — Пусть не такие большие, как эти, но все же? Хотя бы какие-нибудь маленькие и безопасные, приятные для души?

— Хотелось бы знать, — сказала Джейн.

Марк и Катрин ничего не сказали, но и им хотелось бы того же.

Но прошло много лет, прежде чем дети это узнали.

^{*} Марк, видимо, знаком с библейской историей о жене праведника Лота, превращенной в соляной столб, за то что она оглянулась на город Содом, испепеленный огнем с небес.